

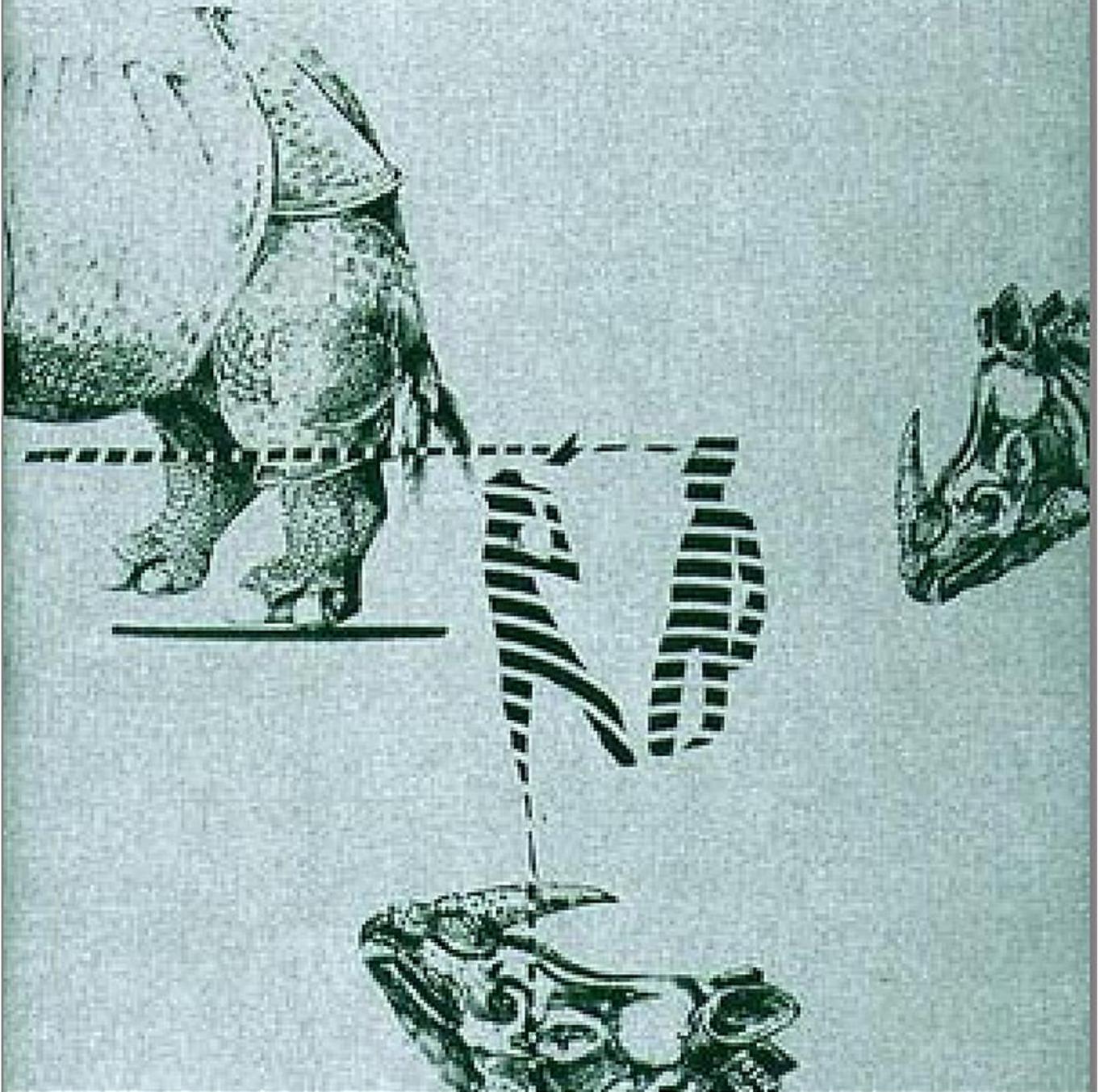
Носорог-ро-рог идет... (почти народное)

НОС СОН
РОГ ГОР

ПО

ЖУРНАЛ
№ 6(18) 2004

ЭТОВ

А л ь м а н а х
«Журнал ПОэтов»
№ 6 (17) 2004

**НОС СОН
РОГ ГОР**
(Носорог Рассела и Витгенштейна)

Хроника событий

В мае 2003 г. в институте русского языка состоялась международная конференция "Поэтический язык рубежа XX-XXI веков и современные литературные стратегии" (организатор Наталья Фатеева), посвященная проблеме языка в современной поэзии. В ней приняли участие многие члены ДООСа и авторы «ПО»: А.Альчук, С.Бирюков, Е.Кацюба, К.Кедров, С.Литвак, А.Бубнов, В.Мельников, а также В.Вестстейн (Нидерланды), входящий в редколлегию нашего журнала.

В рамках Московского поэтического биеннале в музее В.Маяковского состоялся вечер международной поэзии под эгидой русского ПЕН-центра (с.34-35). Поэтов разных стран представил К.Кедров.

Весной на фестивале современной музыки «Московский форум» нидерландский «Шенберг ансамбль» исполнил пьесу нашего автора, композитора Аллы Кессельман (ДООС) «Инсталляция тишины», а в конце сентября в Берлине на фестивале современной музыки ее произведения «Острова тишины» сыграл ансамбль «Студия новой музыки» Московской консерватории.

В начале декабря в книжном кафе-клубе «Билингва» прошел вечер, посвященный художнице, поэтессе, переводчице, редактору выходящего в Париже журнала LRS («Lettres russes»), посвященного русской литературе, и члену ДООСа Кристине Зейтуниан-Белоус (Париж). Вечер был подготовлен совместно с Посольством Франции в Москве. Выступали авторы, чьи тексты Кристина переводила на французский язык: И.Жданов, Т.Щербина, М.Шатуновский, К.Ковальджи, К.Кедров, А.Ким, Е.Бунимович, Ю.Гуголев, Е.Кацюба, Л.Латынин.

У Михаила Бузника вышла поэтическая книга «Линии неба» (Париж – Москва, "УМСА-PRESS" – "Русский путь").

На Философско-поэтическом факультете нашего университета начался третий учебный год. Книги, изданные факультетом, были представлены на Мюнхенской книжной ярмарке («ДЕПО», «Ангелическая по-этика», последние номера «Журнала ПОэтов»

*Выражаю глубокую
благодарность радиостанции
«Эхо Москвы», которая первой
принесла весть о моей
Нобелевской номинации.
Сердечно благодарю всех, кто
болел за меня в этом году:
«АиФ», «МК», РИА-Новости и
телеканалы НТВ, ОРТ, ТВЦ, РБК.
Глубоко признателен тем, кто
удостоил меня столь высокой
чести.*

Константин Кедров

Краткая справка

Право на выдвижение в номинанты имеют только лауреаты Нобелевской премии. Тайна выдвижения раскрывается через 50 лет. Лишь недавно мы узнали, что Бунин выдвинул Томас Манн. Бунин стал лауреатом после 12-ой попытки. Кроме самих лауреатов право на выдвижение имеют нобелевские комитеты. Решение принимают 18 академиков Шведской академии. Комитет не комментирует свои решения и не принимает участия в публичной полемике вокруг обсуждаемых и выдвинутых кандидатур. Как правило, в прессу просачиваются 10 имен, оказавшихся в главе списка. По сообщениям прессы, в этом году в десятке значились имена: американец Филип Рот, датчанка Ингер Кристенсен, швед Тумас Транстремер, сириец Ахмад Саид (Адонис), Джозеф Кутзее из ЮАР и русский поэт Константин Кедров. Лауреатом с пятой попытки стал Кутзее. Кедров рассматривался впервые.

Константин Кедров
ДООС – стихозавр

Носорог

Однажды студент-философ Людвиг Витгенштейн привел к своему профессору лорду Бертрану Расселу и заявил, что вся его хваленая логика – вздор, поскольку зиждется на абсурдном утверждении: «это есть то», или «это не есть то». Что такое «это»? Что такое «есть»? Что такое «то»? Рассел возразил, что есть очевидные вещи, например: в этой комнате не прячется носорог. Витгенштейн ответил, что для него это не очевидно. Так родилась лингвистическая философия, ставящая под сомнение любое высказывание, и доказавшая устами Витгенштейна, что не только мы говорим языком, но и язык говорит нами, формируя наши представления о реальности.

Допустим, в этой комнате есть носорог. Вернее, допустим вероятность носорога в этой комнате. Тогда пропозиция «есть носорог ↔ нет носорога» подразумевает три аксиомы.

1. Носороги есть.
2. Есть бытие.
3. Есть небытие.

Заменим носорога иксом (x)

«Есть» обозначим плюсом (+)

«Нет» обозначим минусом (-)

Утверждение можно записать $\pm x$.

Можно ли обойтись без этой триады + - x? Да, ибо внутри себя она дробится на бесконечные множества таких же триад.

«Есть» означает «что-то», то есть икс, и оно же подразумевает возможность «нет».

В плюсе есть и минус и икс.

Икс означает «есть», а, стало быть, и возможность «нет» и т.д.

Обозначим триаду как нуль или «ничто». Тогда мы можем фразу «в этой комнате вероятен носорог» заменить словом «ничто» или «есть ничто».

Фразы «в мире есть Бог» и «в комнате, возможно, есть носорог» говорят об одном и том же.

Носорог в комнате невидим, и Бог невидим, но и того, и другого можно символически запечатлеть на картине или иконе.

Носорога я могу увидеть в зоопарке, Бога не показывают в храме. Любое богословие есть форма носороговедения, и любое носороговедение содержит в себе богословие.

Ибо Бог – это то, что есть по определению, и носорог – это то, что есть по определению. Долгое время человечество не знало нуля. И еще дольше оно не знало минус единицы (-1).

Рассела

Витгенштейна

Итак, чем отличаются друг от друга три носорога: носорог, минус-носорог, нуль-носорог?

Фраза «в этой комнате есть минус-носорог» означает, что носорог в комнате есть, но по какой-то причине невоспринимаем.

Фраза «в этой комнате нуль-носорог» означает, что носорог есть, но он не воспринимаем в принципе ни в комнате, ни в каком-либо другом месте.

Фраза «в этой комнате «нет минус-носорога» означает, что в этой комнате может быть плюс- или нуль-носорог.

А фраза «в этой комнате нет нуль-носорога» означает, что здесь может быть или плюс- или минус-носорог.

Но мы не можем избежать утверждения, что носорог есть по определению в любом высказывании.

Никакое высказывание не может отрицательным, кроме этого высказывания. Увы, непреодолимый «парадокс брадобрея».

Таким образом, утверждение «логика противоречива» спасено тем, что само высказывание противоречит себе, сохраняя логику.

Носорог –
из нас рог
Рассел сел:
– Носорог...

Витгенштейн:
– Aufstein!

Нос из нас
промеж глаз
из нас рог
промеж ног

Носоглаз
нос и рог
Рок-энд-ролл
в нас энд рок

Носорог –
горосон
рог и нос
гора нас
ухоносорог
рог
ухоносорог
рог
ухоносорог
рог
рек:

– Я не ухоногорог
а я носогорлорук

В этой комнате
есть носорог

В этом космосе
прячется Бог

Андрей Вознесенский

ДООС – стрекозавр

Сон в руку

Мы познали лишь предбанник.
Краток срок.
Поглядите на рубанок –
это носорог.
Красноглазый, косоротый,
в стружках, точно паровоз,
носороги. Носороги
мчат шипами красных роз.
Носороги на дороге
точно памятник эпох.
Носороги на сороке
вроде блох.
Под броней орденоносной
шелк застенчивых кишок.
Стружкой пенятся доносы.

Напряженный, как курок,
в бой, как Навуходносор,
он бежит сороконог.
В животе у носорога
наш волшебный носорог,
меж твоих дремот и пуков
в носорожьем животе
по фамилии Сонвруков
в тесноте.
Мы живем, забыв о Боге.
Быт в квартире все тесней.
Люди – это носороги.
Нет людей.

29 /XI – 2003
По телефону
специально для ПО

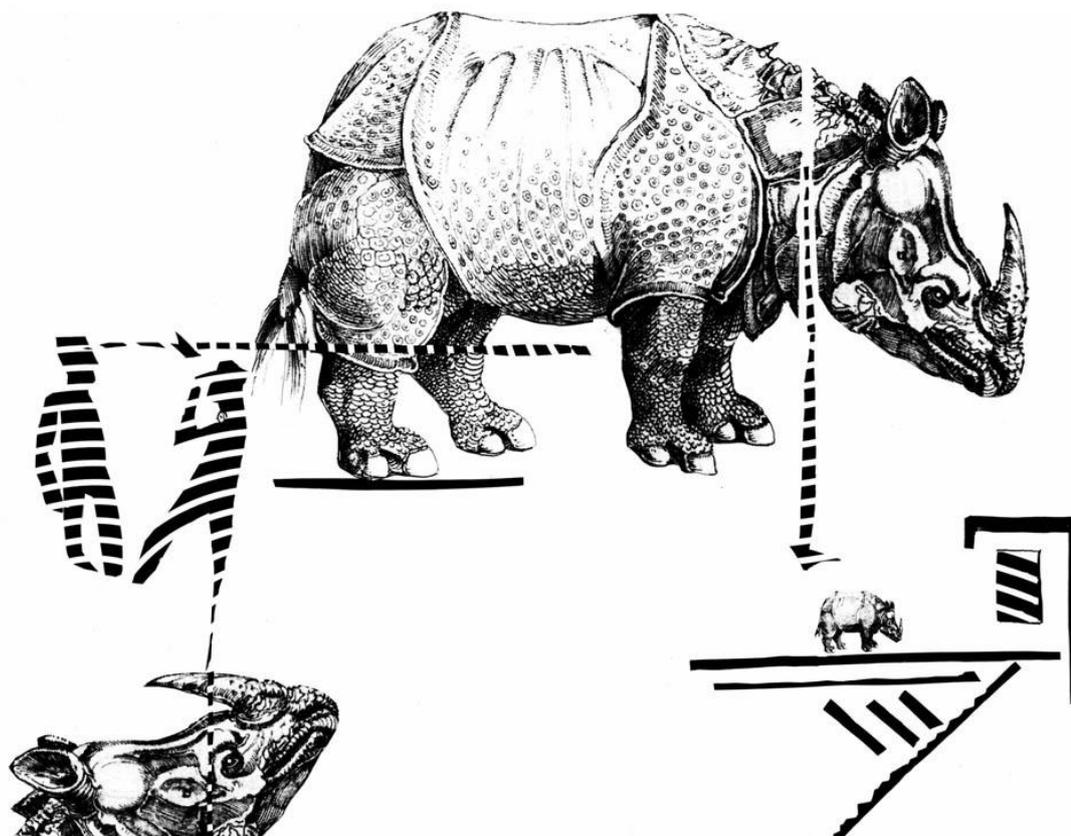

Рисунок Галины Мальцевой
специально для ПО

Елена Кацюба

ДООС

Танго Носорога

Господин И
(прозвище Носорог)
прочесывает рощи тел
трогает тростью
упавшие листья
переворачивает ладонями вверх

Госпожа Ю
помнит все летние танцы
от эпохи Тан до танго
– а танец током бьет тела лишь тактом танго...

Госпожа Ю
ускоряет веером время
когда господин Носорог И
встает на тропу любви
топорами шагов прорубает дорогу
Вечер, взрезанный рогом,
лунной раной болит

Госпожа Ю
ожиданием напрягает стремя
белой ласточкой взлетает в седло
конь ее грации гарцует по комнате
лисица любовных хитростей
притворяется будто спит

– пещеры сердца прикрывает красный бархат
ложбины тела выстилает теплый шелк...*

Носорог И
штурмом берет порог
лестничный марш конницей цокает за
спиной
он готовится рогом таранить дверь
но
армия крови обезоружена тишиной
связана смехом
скована танцем рук
пальцами читающими по губам
В клетке лета птицы высвистывают И – Ю
«Нь» ключиком роняя в траву
Бабочки, сгорая,
рассыпают цветной прах
– совсем напрасно бить тараном в двери рая
ворота рая растворяются в сердцах...

Любовь и рок
Любовь – игрок.

* Бархат и шелк обучены обнимать –
есть сеть специальных школ
многие там учились, но отчислены
мрамор могильно-холоден был
ветер не сдерживал страсть
он и сейчас пиратствует в подворотне
задирает – влезает –
подолы – рукава

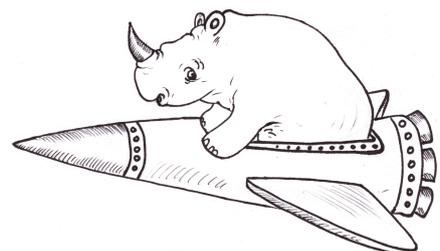
Александр Чернов

Киев

Специально для ПО

Бродит животное-космонавт
дебрями,
джунглями.
Неопалимый внутри
костродав
звездными углями.
На голове
у него сапог
дамский,
как правило.
Порт приписки:
NASA-рог,
мыс Канаверал.
Выхлопом вздыбленная целина –
символ простора,
на бегемота, жирафа, слона
прет без разбора.
Чикнет консервным ножом промеж вил –
смерть вилорогу.
Национальный
заслуженный Вий,
лошадь циклопу.

Этого точно в капусте нашли
хлоп
на топчан,
током пытали,
корячили,
жгли –
крепкий качан.
Что ж канителиться?
Пнули под бок
и врассыпную...
Участь крылатую
вывернуть мог
выбрал
земную.

Игорь Ревякин специально для ПО

Игорь Ганиковский
Германия

$\sqrt{\text{Я}}$

Носорог в мухоловке

И Рассел, и Витгенштейн преклонялись перед языком как средством познания, но это был особый язык – язык логики, всеобщий язык, как они полагали, когда еще были согласны друг с другом. Этот язык инвариантен относительно национальных обыденных языков, относительно этнических культур. Это язык научного познания, который из атомов логики (Рассел) или из логических образов (Витгенштейн) воссоздает мир в его логической интерпретации. "Логический образ может отображать мир", – написал Витгенштейн в Логико-философском трактате.

Возможность создания этого всеобщего инвариантного языка мысли фактически означала возможность создания единого, как мы теперь сказали бы, глобализованного мира, все обыденные сложности которого разрешались бы через этот язык. Язык логики, язык истинного познания. Такой язык не мог следовать "обычаю и примеру" традиционных культур и обыденного языка. Речь шла о некоей логической, рациональной сверх-культуре, которую Запад кропотливо создавал, начиная с эпохи Нового Времени, с философских систем Декарта и Бэкона. "Совокупность всех истинных мыслей есть образ мира", – так определил "ранний" Витгенштейн возможность единой глобальной сверх-культуры. И Рассел был с ним согласен.

Но затем между ними пробежал... носорог. Из двух фраз. Рассел: "Очевидно, что в этой комнате нет носорога". Витгенштейн: "Для меня это не очевидно". После этого их философские дороги с неизбежностью должны были разойтись. Поскольку выяснилось, что:

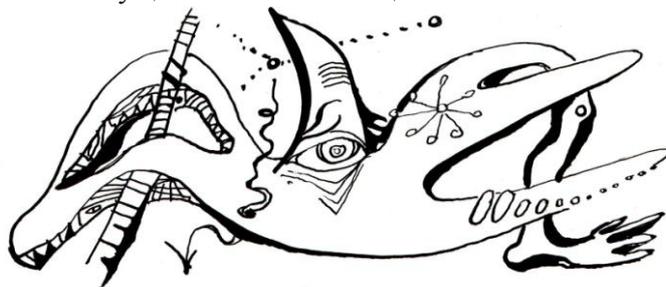
1. Рассел мыслит очевидными атомарными логическими истинами и складывает их в истины комплексные: "Носорог живет в Африке" + "Эта комната не в Африке" = "В этой комнате нет носорога". Это *очевидно*.
2. Витгенштейн мыслит логическими образами, а "логический образ фактов есть мысль". А поскольку "то, что мыслимо, также возможно", то отсутствие носорога, который мыслится, *не может быть очевидным*.

Но образ накрепко связан с обыденным языком. И мышление образами неизбежно привязывает к обыденному языку. А для философа это трагедия. И Витгенштейн понял, что он – в капкане, что он – та самая "муха в мухоловке", о которой он через четверть века напишет в кембриджских "Философских исследованиях". Обыденная речь и связанные с ней образы – сколь бы логическими они не казались – рисуют мир как некое "ограниченное целое", но "чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое", то есть – "нечто невыразимое". А "о чем невозможно говорить, о том следует молчать" – эта последняя строчка Трактата является приговором самому себе. И Витгенштейн ему подчинился, замолчав на шесть лет.

Вся поздняя философия Витгенштейна – преодоление магии обыденной речи и навязываемых ею образов. "Нас берет в плен картина. И мы не можем выйти за ее пределы, ибо она заключена в нашем языке и тот как бы нещадно повторяет ее нам", – пишет он. Философ отнюдь не небожитель, от рождения владеющий тем инвариантным логическим языком познания, перед которым преклонялся Рассел. К этому сверх-языку можно прийти, лишь поняв, что "утверждение "Язык (или мышление) есть нечто уникальное" оказывается неким суеверием (а не ошибкой!), порождаемым грамматическими иллюзиями".

И Витгенштейн не уходил, как это полагал Рассел, от поисков всеобщего инвариантного языка истинного познания, а возвращался к нему, пытаясь прорваться к языку мысли сквозь "мухоловки" обыденного языка. А этот вопрос – о возможности существования всеобщего "языка мысли" – во многом аналогичен одному из самых острых вопросов сегодняшней "глобализационной эпохи": возможен ли достаточно приемлемый язык межцивилизационного общения, инвариантный относительно различных культурно-семантических систем.

Носорог пробежал...

Генрих Сапгир

ДООС – стрекозавр

Родное

... Что в мозжечке Зашифрована Весть
Так и живу Не умею прочесть
– Из поколения в поколение
Передать по колонне

Разные Но брови Уши и носы
Был или будет Прадед Или сын
Маша? Нет не помню – Фото
затерялось
Ласковая сырость... Сын конечно вырос

То-то не ладит С поляком – отцом
Иудей – характером И сатир – лицом
Встречу – не узнаю Задену плечом
Оборвется ниточка Это я о чем?

У врача

Вот господа Моя Кардиограмма –
Вычерчивает сердце МАМА МАМА
В груди Ребенок Плачет бьется
Затихнет – МАМА – влиниюсолется

Седая Женщина В халате
Доверься Знает Все на свете.
Глаза На мир Глядят устало –
Не варежка А потеряла

Боюсь Когда Совсем устанет
Окно погаснет И – Не станет
Меня Любого Столько глаз –
Уже погас

Иное

Грозит Приближается Вплоть
Как странно Что некуда Плыть
Сквозит В повседневность Смерть
Так явственно Не рассмотреть

Не ангелы Иное Не портал
Не пейзаж Не мираж Лишь намек
Свет который... Мгновенно устал
Или Отпечаток Сам поблек

Одно запомнил Прежде всех времен
И после нас И солнце И туман
Париж И Трианон Апрельским днем
И там и здесь Отсюда И в ином

Анна
Альчук

1.

в поезде на Берлин

холмысли равниииина
желтее и палевей
вспышки травывзов
на Бойза простРАНСТВО
спиралью закручены
с krieg(ом) и клекотом
осеннее НЕ
БО ирельсы
и сны

2.

Roma -- amor(e)
а море все ближе и
бли-же-с-ты рока
античного ХО
РАдость
услышать твой ГОЛОС

3.

‘осени сень осен’и
и не ос только
сов воскреСИ
ЛА Алисе дана
кро Лица видеть...

4.

пьеса для препарированного фортепьяно

в хру-ст-альном МИ
РЕ после СОЛЬ
(а ФА зия)ет ДО темна
кипь листьев
осени-ла ЛЯ
бе-моль пробила
неба СИ
нь...

Михаил Бузник

Памяти митрополита
Питирима (Нечаева)

1. Розы свет ЗОЛОТОМ РАЗДЕЛЕННЫЙ...

На краях сил
небесных,
быстрых,
раны души зрими –
как лезвие.

2. Пропись света – кровь.

Вспененная река –
как острие мозга
игольное.

Исчезновение
земного во всем –
спасение
ангелов.

3. Оживающего знак обратимый – глаза стынущие.

Воцарятся.

Симметрии тайной
мгновения –
к нетерпению
врывались.

4. Извивы молнии – как запечатленные наречия власти...

Миллиарды повторений
в строгости сердец –
делили недвижимое
притяжение ушедшего.

5. Розы свет ЗОЛОТОМ РАЗДЕЛЕННЫЙ –

сокращенное
время в нас.

Сращение
судеб. Сень...
Сень обрыва.

Татьяна Щербина

Магнит

Почему-то приятно себя ощущать магнитом.
К холодильнику тянет, но из металла сам он,
не достать оттуда вкусных капустных ниток.
Я осталась служить фасаду почти рекламой.
Ничего для себя, ни котлетки в пупырышках,
ни десерта,

на каток похожего в зимний вечер,
на котором я тренировала сердце,
и оно намагнитилось, стало готово к встречам.
Прилипало к ножам и кранам, железным крышам,
и его смывало водой проточной к плотинам плотным.
Я магнит, украшающий холодильник с пищей.
Что-то есть почетное в том, чтобы быть голодным.

октябрь 2003

Такая грустность на меня напала
напалмом имени Сарданапала,
что я сию скукожась, но не кукясь,
чтоб кровь А+ не превратилась в укус.
Кровь – самородное вино из бочек,
не видимых хрусталику, наркотик
ей нужен, чтоб струиться ручейком,
с орбиты не сбиваясь вечерком.
Ей нужно грамм 500 любви, щепотку
травы, и солнца литр, чтобы в охотку
поддерживать огонь, и знать, что Бог
ей посылает яблочный пирог.

август 2003

Ноябрь 2003

ДЖЕНТЛЬМЕН НА НОЧЬ

1.

Вики, ты где? Я пробирался между больших калош машин, лавируя в сторону небольшой кофейни, куда, как мне показалось, проскользнула она. «Ты что, козел, под колеса лезешь?» – кричали мне владельцы и водилы больших хамоватых мерсов.

2.

Звали ее Викторией, Викой, но на самом деле к ней привязалось ударение, вероятно, в румынских краях, Вики, неведомо как появившееся. Вики, конечно, ей больше шло, чем это полное и даже расширяющееся к низу ВикА... Вики придавало ей и какую-то мальчишескость, она даже в футбол гоняла на равных с нами. «Вики, бери на грудь, на грудь», – оралы мы. Когда она поняла двусмысленность этой фразы, она перестала с нами играть.

3.

Как-то она резко подошла ко мне и сказала:

– Послушай, мне нужна твоя помощь, мне кажется, что ты настоящий мужик.

– А что случилось, Вики?

– Даже не знаю, с чего начать... Понимаешь, в доме беда, но никто кроме меня и моего дедушки этого не знает.

– С кем беда?

– В общем, слушай...

4.

Приходят к деду недавно на работу два хмыря и говорят:

– Слушай, мы знаем, что ты бабки хорошие делаешь, ну капусту. Понимаешь или по-другому объяснить? Ну, цу-цу хорошую поднимаешь вместе с чемоданами. В общем, короче, будешь платить нам дань – одну треть в месяц от всего, что нагроб...

– Я нагроб? Да я день ночь вкалываю, как лошадь, – отвечал дед.

– Так если не хочешь пику в бок или чтобы чего не случилось с твоей внучкой–красавицей...

5.

В то время у меня был только один знакомый городской авторитет с кликухой Плюгавый. Я и обратился к нему.

– Пошли по стакану портвейна и поговорим.

Поговорили. Выпили не по одному и не по два... Выслушав меня, Плюгавый сплюнул и выбросил газетку в урну:

– Случай непростой, может и залетные, хотя... Я тебя знаю. Тебя уважают те, кого уважаю я. Буду говорить. Не ищи меня, все решится само, ты узнаешь об этом. Но ничего пока не обещаю никому

6.

– Я поняла, что если дед не будет платить, они заставят меня работать на них.

– Как это? – Ну как это – по гостиницам. Или будут возить по квартирам, ой, да все что угодно могут сделать эти сволочи... Но я пойду на это, лишь бы они отстали от нашей семьи, а там посмотрим...

Вики редела и говорила, сама не понимая что, хотя я понял все. Вот подонки, ничего святого... Неужели это может случиться и они сделают Вики проституткой?

7.

– Вчера они приходили опять, вызвали меня и деда.

– Что они сказали?

– Они сказали, что они хотят меня показать на днях одному человеку и тогда может быть... Если я ему понравлюсь, то они отстанут от деда, а я буду разговаривать только с ним и выполнять его указания... Они хотят, чтобы я работала на него. Короче говоря, они хотят продать меня ему таким образом, ты понимаешь? Что делать?

8.

Прошла почти неделя, но Плюгавый не объявлялся. И вдруг он неожиданно возник передо мной на местном Бродвее и сказал:

– Завтра приходи в центральный парк в три ровно, кое с кем потолкуем. Да, встретимся у входа в бильярдную...

9.

Около трех дня я первым толкался в парке культуры и отдыха. Увидев меня, больше всех удивилась Вики.

Плюгавый даже не посмотрел в сторону Вики. Кивком головы он показал двум парням, стоявшим немного особняком:

мол, надо отойти. Они о чем-то долго вели толковище. Мы стояли с Вики, молча смотрели по сторонам.

– Это чей человек? – спросила меня Вики.

– Сейчас узнаем.

– А эти твари сказали мне, что ведут показывать меня...

10.

– Все, – сказал твердым голосом

Плюгавый – Больше вы их не увидите, – сказал он, обращаясь ко мне.

– Володя, как же это ты смог сделать?

– Ты же знаешь, с кем имеешь дело, все, все, успокойтесь. Завтра приходи к Цирку днем, попьем нашего белого портвейна...

Вики стояла потрясенная и от нервного

потрясения молчала, подавленная. Наконец, она выдавила из себя:

– Так это вам я буду принадлежать – Мадам, вы будете принадлежать только себе, – еще тверже сказал Плюгавый, – ну, может быть, и ему еще иногда... Когда захотите.

– Да идите вы все, гады, гады... Как я вас всех ненавижу. Все равно у вас ничего не вышло бы... Все равно... Еще секунда и я... и я...

Тут она распахнула шубу, и на землю вывалился аккуратный обнаженный военно-морской кортик, который я видел у Вики дома рядом с портретом отца...

– Я бы... я бы убила себя... И она бросилась бежать к выходу, оставив свое неумелое страшное оружие на ржавой зимней траве.

11.

И Вики исчезла.

Дед поведал, что их семья потеряла бабушку, что дней десять назад птицы унесли белье Вики, которое она сушила на веревке своего зимнего сада.

Бабушка, сидевшая на солнышке у крыльца, видела последнюю птицу, уносившую шелковую рубашку своей внучки в клюве, сплюнув деревянную прищепку наземь. И все, кто вышел на

ее крик, увидели исчезающие в прозрачности неба лифчики, кружавчатые трусики и черные шелковые колготки Вики. У меня будет

легкая смерть, сказала она, и тихо попросила домашних готовить ее к небытию. Через два или три дня она наступила на сгнивший абрикос, поскользнулась, упала и мгновенно умерла.

12.

Однажды Вики через месяц после того памятного случая с ее дедом и с ней постучалась ко мне ночью. В руке у нее была бутылка шампанского и коробка конфет.

– Хочу выпить с тобой и ...

поблагодарить.

– Что? Поблагодарить? За что?

– Ну ты же знаешь, за что...

– И как же ты меня собираешься благодарить?

– Ну ты же знаешь, как, – лебезила Вики и раздевала меня, по ходу раздеваясь сама.

– Тоже мне джентльмен на ночь, еще уговаривать надо...

И мы пропали до утра. Утром она исчезла.

Все это было. Но, может, и не было?

Вики, ты где?

ДООС – заузавр

Подводные стихи

* * *

плыть под водой
касаться плавников
плывучих рыб
и слушать
немую речь
видеть
шевление губ
почему
печаль

подводный камень
камень вод
ты здесь
ты вот
скольз тенью
всего лишь
тенью
тенью
ню

под водой
не скажешь
А
затечет вода
в рот
и перевернет
тебя
наоборот
ты не знаешь
что лучше
быть там
или тут
ты туп
ты глуп
тут
а там?
А?

* * *

нырок
ны-
ны-
ны-
рок

буль-буль
подводных плы
стихов
где берег
забыть
плы-плыть
всех- да

оказывается трудно
стихи записать
под водой
даже на песке
они смываются
не остается
ни одной строки
подумай ни одной
под водой
если можешь
запой
завой

Наталья Азарова

бу-магия —
чернильна речь

а для меня – вон граница
все – что по – эту
имеется –
мое.
а по – ту?
тоже мое
раз-умеется

оби-дел-много-на-день
вер-тела
при-хоть

за-быть
пора

те-пло-те-ню-истончится
те-ло-ли-ни-ей-про-длить-ли?

Алина Витухновская

Б.

Будущее педалило
Тормозило несвязно
Яростей злое множество
Очерчивало пределье

Прошлое слопал топот
Опята тополь ясный
Пляс один нехороший
И прекрасное тленье

Павел Пушкарёв

Петропавловск-Камчатский

Париж

МИР –
 заброшенная стройка,
СТРАНЫ –
это этажи.
А моя
 СТРАНА – помойка,
где правители
бомжи.

Я посетил
во сне ПАРИЖ,
увидел
 много нового.
Стоишь на площади,
глядишь –
на все
 четыре
стороны.

Со мною ЧЁРНЫЕ
стоят,
стоят
 со мною
БЕЛЫЕ.
Проходят мимо,
говорят –
ДЕЛА
 большие
делают.

Люблю ПАРИЖ,
он близок мне –
в своей
 кофейной гуще.
Но я проснусь
в другой СТРАНЕ,
она
намного лучше!

* * *

Голый мертвец проскакал на коне.
Или, хромя, припрыгивал на распятые.
Дико гвоздями ржавел и как будто писал, но
это
дождь разливали
мужики
на бензоколонке.

Голый Мертвец скакал
на хищном арбузе.
или на резиновом глобусе.
Автобусные остановки
хотели его съесть.

Труп нагой, как дева шмеля
подпрыгивал, шевелился .
Его рисовал Шагал
волшебный.
Но автобусные остановки –
это реальность
и смерть.

Разинули прямоуголье
железные серые штуки,
и как зубы
сомкнулись сосульки.
Мальчик нагой погиб.
Автобуса долго нет.

Корабль "Poesia"

В
Е
К
 наступающий
 прёт на рожон,
ВЕКУ присущи открытия.
И в ПЕТЕРБУРГЕ уже снаряжён,
КОРАБЛЬ
к отплытию.

Я
товарищ,
приятель и друг;
СЛОВА твёрдого, грубого, прочного.
Не хочу ваш откусанный фрукт -
мне бы МЯСА хорошего, сочного.

Я
ДЕТЕЙ
обучаю уму,
ну а если не станут людьми -
то весной поеду в тюрьму,
чтоб прочесть заключённым
СТИХИ!

Борис Виктор

Говорящее письмо

Распался сон... И выпала из рук свеча («Не уходи!» – «Прощай!..») – квартира качнулась, словно короб на шарнирах, и вспыхнули подсолнухи вокруг

окраинного дома. Светлый луг нас обступил. И обжигало пламя свернувшимися в кольца лепестками незримых нас,

и в этот час мы были птицы с четырьмя крылами, с невидящими белыми глазами,

в последний раз мы были задыхающейся птицей, и молния обугленной ресницей, нас ослепив, скатилась за холмы, и угасал подсолнух круглолицый. И птица с четырьмя крылами – мы!

Подсолнух. Свет. И на щеке щека. Прошедший день – ожог черновика. И ты еще со мной! И так легка, и так богата жизнь на совпадения, так коротка!..

«Не говори за час до пробуждения», – «Любимая..» – «Пока у нас в запасе есть еще мгновенья!» «Еще века»

(почтовый индекс, просьба «2 звонка», и чье-то приглашение на свадьбу – совпадает с днем затмения, пойдем наверняка!)

«До встречи» – «Нет!» – «До завтра!» – «Нет!» – ступени уводят вверх, все выше, в облака.

«Мне ненавистны жертвоприношения», – и на щеке ожог от лепестка.

И говорит мне женщина: «А знаешь, мы – птица, и никто не в силах нас разъединить, и мир – иконостас, дождем отреставрированный за ночь!..» И ты была моей в последний раз.

Кристина
Зейтунян-Белоус
Франция
ДООС

* * *

Обкатывает небо глыбы облаков и красный носорог зари мертвецки пьян. Под языком обкатывая слово «Бог» и слово «ветер» ты не выйдешь из игры. Задраены все люки, выход лишь один – в конце слепой кишки длинной в десятки лет. Когда-нибудь устанешь верить в облака и в толстокожесть мира копья букв метать, и словно знак утративший объект, не в силах и шепотку смысла разъяснить, почувствуешь себя виновным без вины, обкатанным как призрачное слово «грех» под влажным языком небесной кривизны.

Белый карп

Пятнадцать лет он плавал за стеклом, Глотая корм, песок перебирая, Как будто нумеруя мягким ртом Песчинку каждую, жил молча, не вздыхая.

Карп, говорят, порой меняет пол, Мужской на женский, этим подтверждая, – Желание есть злейшее из зол И суета сует любовь земная.

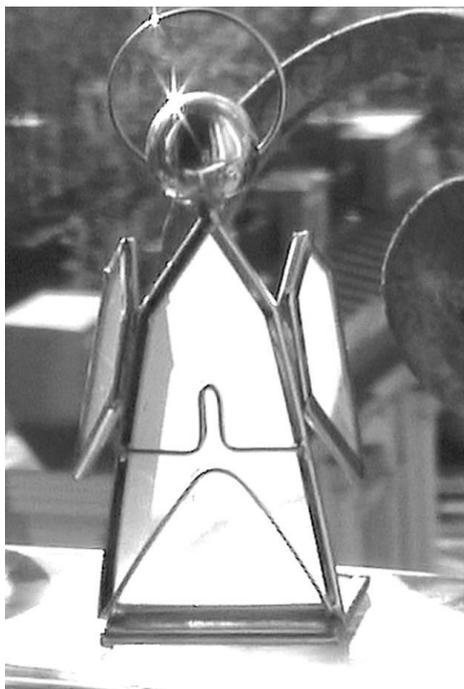
Карп, говорят, мудрейшая из рыб, Он дорожит лишь в меру жизни даром, И под ножом он затихает вмиг, Не бьется и не плачет – ждет удара.

Мой белый карп никем зарезан не был, – Скончался в миг указанный судьбой. Вознесся тихо он в аквариумное небо, Мерцая снежно-влажной чешуей.

И следуя за ним, когда мой час настанет Без лишних слов я в ночь нырну – смотри, Там лунный карп плывет над облаками, Небесные пуская пузыри.

Носорог
Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Анжелина Полонская

Рыбы

Там, за стеной аквариума, спят рыбы в ожидании весов.
Со стрелок капают минуты в воду.
Проспекта развороченный висок
набряк толпой, и леденеет воздух.

«Зима», - кричат и славят голубую новь
под окнами снегов в распахнутом мундире.

Спят рыбы, и бежит ещё живая кровь,
но глаз растёкшийся запоминает гири,
прощая рабство им и собственную гибель.

17.10.03

Убийца

Ни корабля, ни пристани, ни флага.
Теней людских стреноженные кони.
Залит горячей кровью профиль Марса,
и сосны о врата небес ломают копыя.

Как жжёт ладони молоко бумаги!
Убийца, коему отдам без звука
свой хлеб и кров – таким бывает рабство
убийцы, что мою отнимет руку.

И он войдёт в мой дом библейской верой,
неся во взгляде ужас полнолуныя,
и хлеб, и сон, и кров мои отвергнув.
И я отдам ему другую руку.

5.06.03

Владимир Гуркин

Ульяновск
Специально для ПО

После Полтавской битвы в плену у России оказались около 16 тысяч шведов. В «Истории России» С. Соловьева есть упоминание о том, что небольшая часть пленных (около сотни человек) попала в Симбирск. Я обратился за справкой в краеведческий отдел областной библиотеки, где и познакомился с удивительным сборником «Песни пленного шведа с Симбирской горы». Профессор Мартин Вейбулл смог установить автора этого сборника. Им оказался 23-летний старший лейтенант шведской армии Георг Генрих фон Борнеман. В течение зимы 1710 – 1711 гг. он написал целый цикл стихов (подражание псалмам), где описывал различные тяготы судьбы. В апреле пленных уже стали переводить в Тобольск. По глухим свидетельствам, дошедшим до нас, Борнеман попытался бежать где-то под Вяткой и пропал без вести (возможно, был убит при попытке к бегству). Тетрадь со стихами сохранилась у его друга ротмистра Георга Маллиена, который тоже пытался писать стихи. После заключения Ништадского мира в 1721 г., он вернулся на родину в Швецию, а эту тетрадь передал в библиотеку Лундского университета. Благодаря поддержке Шведского Института и посольства Швеции в Москве мне удалось побывать на родине первого симбирского поэта, увидеть своими глазами его родовое имение, а также получить возможность снять копию с заветной тетради. Выражаю глубокую благодарность Иохану Эбергу, Сверкеру Уредссону и Магнусу Ларсону за всестороннюю помощь в этом путешествии. Предлагаю вниманию несколько фрагментов подстрочного перевода, сделанного И. Эбергом.

Георг Генрих фон Борнеман

Песни шведского пленника с Симбирской горы (1710-1711)

Во время странствия по Европе случается то, что меньше всего ожидаешь:
Все было хорошо в Польше (великолепное вино),
Но на русских дорогах мы познали голод, вынуждены были пить грязную воду, так что потом мучились животом,
А после битвы – плен.
Мы видели хитрого русского, татарина, калмыка и язычника черемиса.
Когда же я думаю, что нам предстоит увидеть Казань и Сибирь, то от страха кружится голова.
Но пусть Бог не допустит этого,
Что нам там делать, ведь мы же не скифы?
Я очень надеюсь, что Бог оградит меня от Сибири, и я не буду там заниматься соболями.

Если бы Волга состояла из пива (и патоки), тогда можно было бы оставаться в Симбирске, и не было бы желания видеть другие города

Шмит (курьер шведского главнокомандующего в Москве) разъезжает по России, выплачивая субсидии от короля.
Мы очень ждем в Симбирске денег, но Шмит пока не вернулся...
Деньги нужны в этом мире
И русский не дает еды и пива без денег,
Но будем утешаться и надеяться, что деньги все-таки будут,
А значит, будет и шикарный стол у воеводы,
Поедем тогда на острова, взяв с собою полячку – госпожу Тауб

Ах, наш король нас покинул, и мы попали в плен, словно овцы без пастуха...

Наш новый воевода хочет запретить нам ходить к русским женщинам
Но у него дубовая голова
Эти заботы нам не нужны,
т.к. мы не уважаем русских женщин,
мы не можем говорить с ними без переводчика,
они некрасивы и я это говорю без преувеличений, ибо то, что уродливо нельзя назвать красивым

Те женщины, которых мы видим обычно, высокие и толстые,
Они как огурцы, тыквы или скорее похожи на бочку из Гейдельберга
Лицо козлиное, толстое и опухшее,
Кожа кирпичного цвета, висит на скулах, как свинец
И там, как на полотне видна вчерашняя гулянка.
Нос как из меди или как у петуха из Калькутты (у него, правда, нет такого клюва), где видно, как стекают капли вчерашней кабацкой выпивки,
Рот безмерный, лилового цвета,
Уши похожие на ослиные,
И огромный жирный подбородок, как из сала,
И губы не могут скрывать желтые шафрановые зубы,
и темные глаза, не внушающие любви,
и грудь, будто выструганная рубанком.
И руки большие как у гребца.
Ее привычки сообразны ее уродливому телу:
Она ленива,
Она ведро для водки,
И каждый день проходит по городу с хриплым голосом.
Ее единственное утешение шкалик водки.
Природа создала русских женщин красивыми, но после 15 лет они становятся уродливыми, покрывая косметикой свою грубеющую кожу...

Поступил приказ, что нас увозят с Волги в сторону Оби.
Скоро мы увидим вагонетки и сибирские горы – самый худший край земли,
При этой мысли становится ясно, что Симбирск дороже всего,
И я тебя любимый город никогда не забуду...

Александр Бубнов

Курск

Специально для ПО

ЯЗЫК НОСОРОГА (ВИТГЕНШТЕЙНОВСКОГО?)

Зоологи, это не для вас. Лингвисты, это не для... всех (лингвистов). Только для Лудоманов [1]. Если методом “включения” – всё это для тех, кто в Остатке, степень сухости, неделимости и отдалённости которого определяет каждый для себя, или не определяет, послав все дефиниции (на фиг – зги, фан!), кроме одной, фантастичной, тс!-ФАНтАсТИЧНОЙ, пытающейся ответить на вопрос – что есть язык Носорога?.. [2]

К палиндрософии (здесь и далее см. [9]) склоняем принцип вибрации из герметической философии Тота-Гермеса (!Тот – Этот Тот? – Этот!). Наиболее ярко принцип играет в метатезе-мЕТАТЕзисе: Носорог / Рогонос!.. В о-вальном зеркале-букве-о банальный МИМ удИВлённо ВИДит на своей голове две ГОРы РОГов! Язык Рогоноса – язык удИВления: “О горе мне!” (!горе - не роГ!). Чулuch! Удар и отражение лучей в зеркале: “гор о гор роГ о роГ /.../ я рога горя” [3]. Мим КОРчит РОК-гримасу, носорок-гримасу, мим не видит без зеркала у себя рога, только зеркало ему их предъявляет; а можно ли доверять изображению мнимо-ЛАКированному? Свет мой, зерКАЛьце, скажи!.. Рту – утр! Новый тур (циклофон, рту тур!) суточного вальса – новое утро (утро рту). И как же поведать о том, что кто-то кое-где у нас порой? Порой рогом, порой! ОМОграфика ОМОграммы, суетА-СУЕТ, входящая в систему элементов палиндромии [4].

В о-вальных зеркалах-буквах-о мнОгОкратнО и ритмично отражён нОсОрОг, это целая литерОСОфическая зеркальная комнАТА АНАграмм-палиндрОМов. Литерософия, спроецированная витгенштейново, может по-своему ответить на вопрос о первичности курицы/яйца: если в центр поставить букву О (т.е. яйцО), а согласные расположить вокруг, то станет понятно, что в русской традиции в начале был нОсОрОг! Здесь всё: от утр’енней РОСы до гоголевского НОСа, от РОСсии к СССР и палиндромически снова к России (при присутствии СНГ).

Нарастающая звукобуквенная сила О ударяет не сразу – но-со-роГ! Подобно рукописной строке из палиндромической поэмы Велимира Хлебникова “Разин”: “о! О!” [5]. Или одно удлиненное восклицание “!О-О!”. Увеличительное стекло (по Владимиру Маяковскому) для набухших точек (почек? рогов?) двух восклицательных знаков, которыми часто ограничивают-ограничивают свои строки-линии авторы палиндромических стихотворений, двух восклицательных знаков, в конце концов зеркальной комнаты замыкающихся в Дао (см. предыдущий номер журнала поэтов); даО да О (ОмО), два кружочка, которыми палиндромически обменялись Инь и Ян (древнейший листоверт?). По Фёдору Тютчеву, которому 2-0-0 в 2-0-0-3-м, хиазмически-палиндрософически: “Всё во мне и я во всём” [6]. Василиск Гнедов сказал бы: “Из меня Ю (you?)”.

Итак, в зеркале – Рогонос / Носорог, перед зеркалом – Тур. Девяностоградусный листоверт. Рога вдоль и рога поперёк как вариации палиндрософической симметрии: поперёк – симметрия зеркальная (рту / утр), вдоль – симметрия подобия (р/ту ту/р), ДНК-сегментодромия [7], часто с возрастанием величины элементов / величины рогов, и даже их количества – у чёрных (невидимых?) носорогов до пяти!.. Носорог стал Туром. И стал Тур! [4] Обратный тур течения речи/речки времени до невидимого-вымершего Тура. Его нет. НО ОН – был! Велимиро-Хлебниковская перевертация.

Рог как зуб, весомее зуба, открытая, обнажённая кость, вперёдсмотрящий рог авангарда, который есть и которого нет, ибо пространство авангарда отражается во всех форможанрах: в авангардной прозе, авангардной пьесе, музыкальной, театральной... (Нос: – о, роГ! // роГ: – о, Нос!) Авангардный роГ цементирует жидкость в кость (КОСТЬ-СОК), но стооднолетние цветы железобетонных поэм (привет от Василия Каменского) не вянут / не крошатся, ложась под и за стеклозеркало.

Итак, язык Носорога – это язык, на котором объясняется неисследованное пространство-время за палиндрософическим зеркалом [8], в которое вкраплены букочки из слоновой кости для языковых игр.

Д-ОПО-ЛНЕНИЯ

[1] Ср. термин Й.Хёйзинги homo ludens (человек играющий), распространяемый практически на всё.

[2] а горосон – кызза? ...На самом деле, в первую очередь, надо договориться о языке терминов [9], назвать то, что ещё не названо или не “вполне” названо, извлечь квази-невидимое из “информационного поля”, подобно литерологическим орбитам вокруг О у Носорога.

[3] Велимир Хлебников, из поэмы-перевертня “Разин”.

[4] Табл.1. Литерологическая система элементов бинарного взаимодействия в палиндромии (на простейшем примере трёхзвукобуквенного слова ТУР): о – омограмма, п – палиндром (в узком значении), ц – циклодром, к – кругозвучие.

ТУР		1	2	3	4	5	6	
		ТУР	РТУ	УРТ	ТРУ	УТР	РУТ	п-диагональ
1	ТУР	о2	к2	(к2)	ц2	ц2	п2	
2	РТУ	к2	о2	(к2)	ц2	п2	ц2	
3	УРТ	(к2)	(к2)	(о1)	(п2)	(ц2)	(ц2)	(окк. крест)
4	ТРУ	ц2	ц2	(п2)	о1	к2	к2	
5	УТР	ц2	п2	(ц2)	к2	о1	к2	
6	РУТ	п2	ц2	(ц2)	к2	к2	о2	
								о-диагональ

Примечания к табл.:

(1) Диагональ “о” – омонимическая диагональ.

(2) Диагональ “п” – линейно-палиндромическая диагональ.

(3) УРТ (строка + колонка) – окказиональный “крест”. Урт может быть окказиональным словом, либо истолкован как топоним – река в Бельгии.

(4) Заметны квадраты кругозвучий “к2” и циклодромов (циклических палиндромов) “ц2”.

(5) Один из примеров функционирования элементов системы в линейном палиндроме: укор – тур ур оку.

(6) При 2-3 элементах (здесь – 3 звукобуквы) система исчерпывает анаграммную парадигму.

(7) С увеличением количества элементов и слов сложность системы значительно возрастает.

[5] Если быть формально точным, то имеется в виду рука “переписчика” или “записчика” поэмы “Разин” Алексея Кручёных. Судя по всему, он хотел изобразить в начале очередной строки заглавное “О”, которое получилось недостаточно большим, поэтому следующее “О” было начертано еще бОльшим. Однако мы хорошо знаем концепцию неслучайности описок-опечаток...

[6] Дополним это важнейшим тезисом о сквозной интертекстуальности и (по форме) авангардности Интернета с его системой гиперссылок – “гипер-АВВангард”, любопытные рога Носорога Авангарда, пронизывающего всю сетературу – ещё одно подтверждение актуальности палиндромического хиазма Ф.Тютчева (см. выше в “основном тексте” данной экспериментальной мета-ЭССЭ-статьи с ЕЕ скобками и ссылками, призванными уравнивать в правах текст и комментарии). Ср. также с кедровским “Комментарием к отсутствующему тексту” [Кедров, 1990: 167-171], идущим от ваСИЛИСко-гнедовских идей [Бирюков, 1994: 57-58, 61].

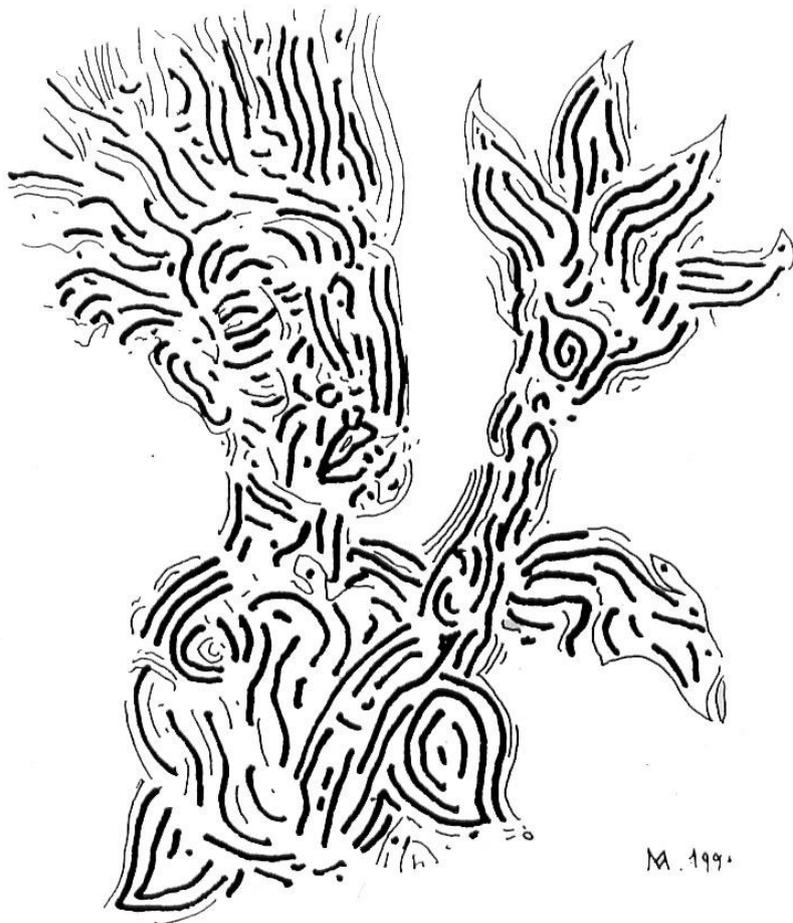
[7] В палиндромии ДНК наблюдается повторение участков через определённое число нуклеотидных остатков. Отмечаем соответствие языка ДНК и пантограммы в языке поэтическом, “участок” ДНК Носорога может быть прочитан как столкновение: Нос о Роg! Подобно “отрезку двойной спирали, который имеет одинаковую последовательность при чтении по одной и по другой нити в одном и том же направлении, диктуемом химическим строением ДНК” [Франк-Каменецкий, 1988: 168-169].

[8] “Текст при “нормальном” чтении отождествляется с “открытой”, а при обратном – с эзотерической [читай – невидимой. – А.Б.] сферой культуры. Показательно использование палиндромов в заклинаниях, магических формулах, надписях на воротах и могилах, т.е. в пограничных и магически активных местах культурного пространства (...). Зеркальный механизм (...) имеет столь широкое распространение (...), что его можно назвать универсальным, охватывающим молекулярный уровень [в частности, ДНК. – А.Б.] и общие структуры вселенной (...)”, Ю.М. Лотман [1992: 23].

Игорь Холин

G46 Описание хвоста

Роман «Подъем»
Написан автоматом
Вдвоем
С братом
По мнению
Критика Миши
Лучше других
Удался
Образ мыши
Традиционен ли
Он
Да
Но это ерунда
Взгляните
Какая стилистическая простота
В особенности ново
Описание хвоста
Вьется
Вьется
В руки не дается
Схватишь
Начинает вонять
Твою мать

F83 Бутылка пива

Иду в гости
К поэту
Константину Кедрову
На бульваре Чонгорском
Натыкаюсь на
На киоск
СОЮЗПЕЧАТЬ
Мужик навстречу
Авоська в руке
В ней
Гранаты
Вместе с запалами
Из кармана
Кольт
Торчит
Интересуюсь
Где брал
Там
Кивок в сторону киоска
А продукцию газетную
Не продают
Продавщица сказала
Бумаги нет
И будет не скоро
Адью
Посмотрел ему вслед
Подумал
Может не гранаты
У него в авоське
А картошка
В кармане
Вместо кольта
Бутылка
Жигулевского пива

Рисунок Михаила Молочникова

Хозяин Наполеоновки – соседнего лесного хозяйства был уж очень воинственный. Он и Немецкой Слободе не давал покоя. А уж совсем маленькие хозяйства просто измучились от него, от агрессии. Хотя вот что интересно, этот хозяин обладал способностью очаровывать своих противников. И сила и обаяние в нем, несомненно, были. И Александр Павлович с ним то мирился, то ссорился. Хозяин Наполеоновки не хотел, чтобы Александр Павлович продавал свой лес англичанам. Но Александр Павлович был большой сладкоежка, и из Англии он получал и кофе, и шоколад, и чай. Но, скорее всего, ссорились друг с другом они не потому, что Александр Павлович так уж любил сладкое, просто не хотел, чтобы хозяин Наполеоновки ставил свои условия. Но еще и вот почему – люди, проживающие в лесном царстве Александра Павловича, не смирились бы, если бы хозяин Наполеоновки одержал верх над ними. А Александр Павлович боялся своих людей не меньше, чем хозяина Наполеоновки. Он хорошо понимал, что если люди будут им не довольны, то могут с ним сделать то же самое, что с Павлом Петровичем. И Александр Павлович по-дружески говорил хозяину Наполеоновки: «не надо, не ходи в мой лес». Но он все-таки не послушался и пошел. Это уже зимой лес горел. Деревья трещали, как дрова. И Александр Павлович решил его поймать в лесу и наказать за то, что он нанес такой урон его хозяйству. И люди из Немецкой Слободы тоже были на стороне Александра Павловича. Но поймать его было также трудно, как голыми руками зайца.

А помощники его промышляли и на севере и на юге. Так докладывали Александру Павловичу. Сам же Александр Павлович хоть и делал регулярный обход в своем царстве, все же предполагал ухоженные дороги. Ему специально их проложили для обхода. Вдоль дорожек красовались цветы, пушистые кусты. «Какой ласковый и приветливый стал лес, – нашептывал себе Александр Павлович. – Все-таки у Павла Петровича лес был недружелюбным». Как-то раз он свернул с дороги, его увлекла вьющаяся тропинка. Прогулка казалась ему увлекательной и радостной. Но дерево из тропинок разрасталось все шире и шире, оно так необъятно раскинулось, что Александр Павлович решил – пора возвращаться домой. Он пошел обратно, наткнулся на болотце, увидел цветущую поляну, направился к ней. От этой поляны уходила тропинка. Он, кажется, узнал ее. Ускорил шаг – становилось жарко. Тропинка вывела его в прохладный еловый лес. Но потом лес стал гуще, а тропинка прямо таяла на глазах. И вдруг исчезла в траве, как будто ушла под землю. Александр Павлович даже встал на колени и припал к земле, как будто хотел заглянуть вглубь земли. Но никакой тропинки и вообще ничего он там не увидел. Он решил вернуться по этой тропинке назад. И тут вышел на дорогу, хорошо утоптанную. «Она-то не может вот так растаять на глазах, – решил он про себя, – куда-то должна привести». Она-то и привела его в совершенно дремучий лес. Александр Павлович растерялся. Он думал, что такие места уже перевелись после смерти Павла Петровича. Что весь лес чистый и ухоженный – без ям и трясин. От усталости и растерянности он заплакал, как в ранней юности – «что за царство такое! только чуть в сторону – тьма дремучая и бездорожье». Он вдруг вспомнил обезображенное лицо своего отца. Все это время он не вспоминал его. Он даже постарался совсем обо всем забыть. И стал охотно верить словам своих приближенных, что отец его умер от солнечного удара, а не оттого, что Александр Павлович видел собственными глазами в окошке.

Мало ли что может привидеться в окошке. Его плач перешел в рыдания. Он проклинал себя за то, что согласился принять управление над этим лесным царством. Что царство это страшное, нелюдимое, непроходимое, чуть в сторону и там болота – с чертями.

Он рыдал в полный голос, пока его не окликнул грузный пожилой человек с черной повязкой на одном глазу. «Да это же Кутузов!» – обрадовался Александр Павлович. Кутузов как раз и вывел его из леса. И за это Александр Павлович его наградил медалью за отвагу.

А потом вручили ему еще одну медаль как ветерану труда, это было после того, как Кутузов заманил хозяина Наполеоновки в лес, а поток выгнал его из леса. Единственное, Александр Павлович был не доволен тем, что Кутузов не поймал хозяина Наполеоновки, а просто его выгнал. Но, может, Кутузов и не хотел его ловить, может, это только Александр Павлович хотел поймать его и наказать. А Кутузов, может, хотел просто выгнать.

Света Литвак

* * *

Я лежу на дивном ане,
Подо мной простая ыня,
На цветном покрытом але
Нарисован апель синий.

Раз приходит к нам с утра...

Раз приходит к нам с утра
Весь в дарах природовед
Ведь народ при родах весь
Где же мдцинская здесь сстра?

Вот уж это свршенн мне нпнятн
Нужно вслух произнести
Раз уж гость пришёл –пусти
Хоть и речь его так нвнятн

Если просит бойкй гость
Умоляет он медстру
Порошок для вас я стру
Та в ответ лишь бросит колксть

И нечаяно вдруг брзнет кровь
Ранен в грудь вашвсокблгрдь
Дурным матом, знай, сквернслвьт
Бурный рзгвр, далее нрзб, далее нрзб

И без всяких лишних букв
Ты прдствляешься тогда
Вета Лита - о, гспда!
Я и с батюшкой трахнлсьб

Евгений Таран

пьяНый

Лежащий, он похож на кляксу,
Дорожный знак: «Стоять, бояться!»,
На паутину сновидений,
Сюиту для козы с баяном
И день из летоисчисленья
Китайского.

Осенний человек
Висит на спинке стула,
А вечер начинается сутуло –
Звонком в окно
И криком в дверь.
Желе размазано по блюдцу.
А он не в силах обернуться,
Лишь видит в комнате
Мелодию вещей,
Но вот беда,
Оглох минувшей ночью.

Гвоздь, прибитый к облаку,
Блестит на ветру,
Грустит под дождем,
Хрустит в звездопад –
Не рад.
Гвоздю хочется в чернозем.
Там его однажды найдем –
И снова к облаку.

Михаил Вяткин

Единорог

Я Иду-Бреду Отпечатываю Чёрные Подошвы По Раннему Снегу
Я-Иду-Бреду Видит На Затянута Небе Белый Единорог Скачет По Зеркальным
Отражениям Моих Следов
Белый-Единорог-Скачет Разгоняет Своим Хвостом Серую Хмарь
Разогоняет-Своим-Хвостом Отчаянно Выплясывает Передо Мной И Сквозь Меня
И-Сквозь Сразу Чувствует В Моём Внутреннем Небе Становится Пронзительно
Ясно
Пронзительно-**Я**сно Замирает От Прекрасного Рога Белого Красавца
Который **Мо**
Который-**Мо** С Удивлением Смотрит Куда Подевались Следы От Чёрных
Подошв

Вилли Мельников
ДООС – лингвозавр

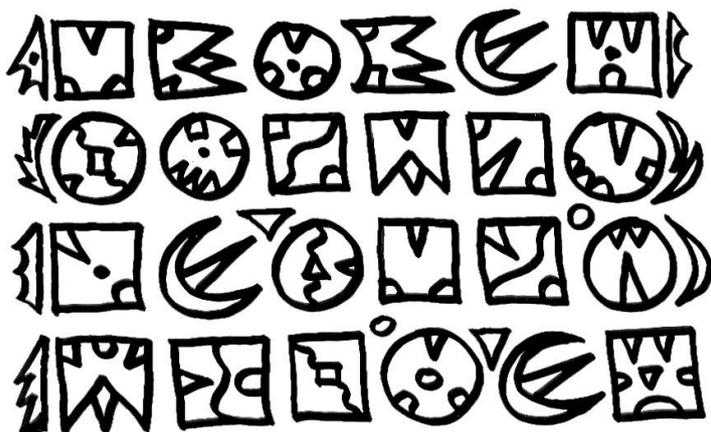
Диптих

(стихооткровения
на языке
и перевод)

Нумидийский кийанх

Мокрый снег,
что скармливает себя сумеркам,
вычищающим барханы из оазисов-аорт,
подобен сахару, просыпанному из солонки,
или божеству, проспавшему свое рождение.
И Небосводоросли пропальвают лунное грядущее
от сорняков солнечного минувшего,,,

Икшью-зфаутт

Вылью вино в реку.
Она, захмелев, шагнет мимо русла.
Трезвомыслящим будет потоп:
он разменяет мне монету-полдень
на полуночную опохмелочь,,,

**Галина
Карташова**
Брянск

портрет

куст уст
глаз – лаз
в головологово
взнос носа – вдоха вход
ловушка слуха – ухолот
разброд бровей над пропастью
надбровий
разрезанное зеркало резниц
бег времени век бременем
накроет
покров срывая с таинства
страниц

и маятник ума умается
немыслимым смычком

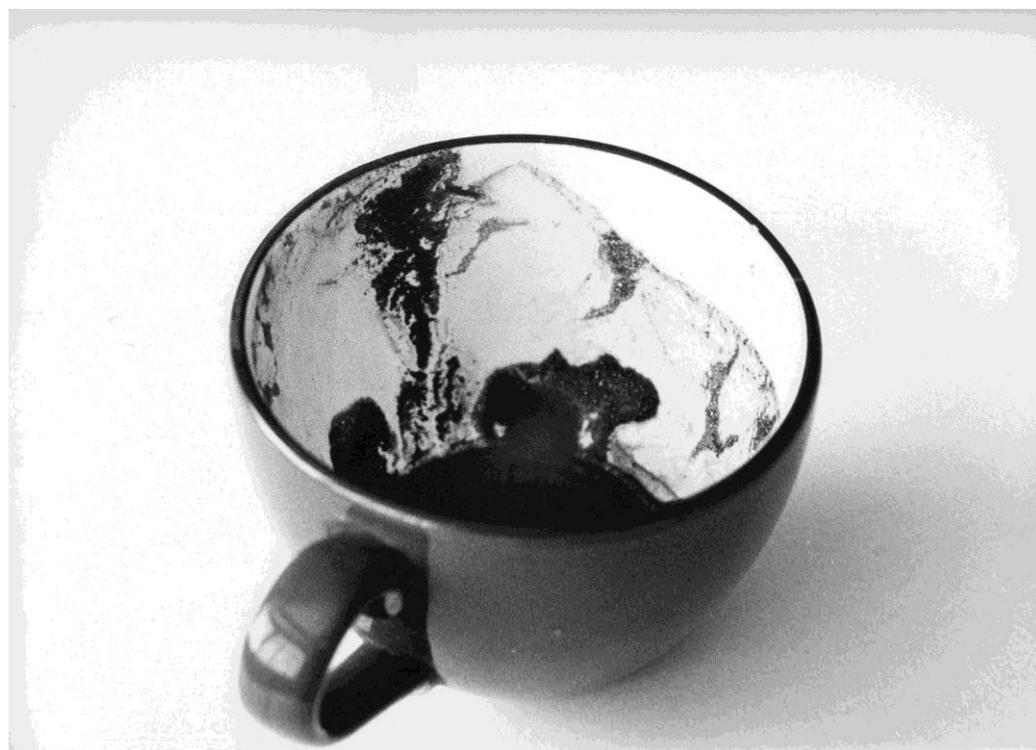
* * *

с каждым на его я
разговарива
я
зыке
теря
я
суть определений
наход
я
определения сути
пропуска
я
через
не впуска
я
в
~~забыва~~
вспомина
я
где
я
кто
где
?

Алексей Парщиков
Кельн

Античная трагедия

Разрушенный носорог

ДУШ

Две недели я ни с кем не разговаривал. Мне приносили баланду и уносили парашу всегда, когда я спал. Я приготовился к тому, что меня будут пытаться допрашивать, подвергать истязаниям, но ничего этого не было. Я даже не знал, за что меня арестовали. Может быть, приняли по ошибке за кого-то другого, или им как раз и нужен был невинный для каких-нибудь их интриг. В одном я был абсолютно уверен: хоть я и не испытывал ни малейшей симпатии к режиму, вида я никогда не подавал. Но почему же тогда я оказался в тюремной камере, полностью отрезанный от внешнего мира?

Скажи мне тогда, что через две недели мне разрешат пользоваться душем, я бы обрадовался больше всего тому, что наконец кого-то увижу, хотя бы даже охранника, который поведет меня в душевую, каким бы мерзавцем он впоследствии ни оказался. Но даже этого я был лишен. Дверь напротив той, через которую я вошел внутрь и которую я с тех пор ни разу не видел открытой, отъехала в сторону. За ней оказалась душевая кабинка. И хотя я знал, за мной наблюдают, я сбросил одежду и открыл краны холодной и горячей воды. Божественную горячую воду я пустил так сильно, что она почти обжигала кожу. Мыла не было, но я обливался и растирался, и даже готов был в голос запеть, если бы не чувствовал интуитивно, что это запрещено. Внезапно вода иссякла, и я вытерся собственной одеждой. Я не каждый день ставил крестик на стене, но прошло ровно четырнадцать дней, и дверь в душевую снова открылась, поэтому с тех самых пор я стал измерять время отрезками в две недели, ведь всякий раз душ становился для меня незабываемым событием. Вскоре к этому добавились особые причины.

В третий раз принимая душ, я заметил, что вода порой становится холоднее, вероятно, в эту минуту где-то открывал кран другой заключенный. Я перестал обращать на это внимание, но позже часто по этому поводу смеялся: так вы с женой с улыбкой вспоминаете, как однажды, когда вы еще не были с ней знакомы, слышали ее голос за перегородкой китайского ресторана и не обратили на него особого внимания.

На четвертый раз я почувствовал в изменении температуры воды некую закономерность. Следующие две недели я только об этом и думал, ведь о чем еще мне было размышлять? В покинутом мною мире меня ничто не интересовало, а о своем деле я думать не мог – я ведь даже не знал, в чем меня обвиняют. Я решил в следующий раз внимательно проследить за температурой воды.

Теплей, теплей, теплей, затем нормально; холодно, холодно, холодно, потом снова нормально. Получается три раза немного прохладней, затем три раза по-настоящему холодно, затем три раза опять чуть прохладней. Это мне что-то напомнило. У меня было две недели на размышление. Три коротких сигнала, три длинных, три снова коротких. Точка-точка-точка, тире-тире-тире, точка-точка-точка. Ну конечно! – С.О.С. в сигналах азбуки Морзе.

Когда я в шестой раз принимал душ, я отчетливо ощутил это передаваемое водой сообщение. Я решил ответить. Поворачивая краны, я послал ответный С.О.С. и словно эхо, немедленно получил его назад.

Отныне душ стал единственной радостью, скрашивающей мою монотонную и одинокую жизнь в неволе. Кто-то хотел с мной общаться! Пытался мне что-то сказать, возможно, дать какие-то наставления перед судом. Весь дрожь от нетерпения, я вошел в душ в седьмой раз – и опять, опять С.О.С! Я ответил теми же буквами. Нет, все это не было игрой воображения или случайным совпадением.

Но что же дальше? Вскоре выяснится ужасное: я не знаю азбуки Морзе. Две недели я провалялся на койке, вспоминая всю ту ерунду, которой забивал себе голову во время учебы: греческий алфавит, периодическую систему элементов, все пятьдесят два штата нашего федерального государства с их столицами, - это я выучил и не потрудился запомнить буквы азбуки Морзе, не считая О и С, но как мне на этом основании узнать все остальные буквы алфавита?

Мой друг догадался, что я не понимаю его более сложных сообщений. Ничего иного не оставалось, как учить со мной алфавит. С чего же начать, как не с А?

Никогда не забыть мне первого урока, на котором по принципу «холодно – теплее», я выучил букву А. Он показывал вначале медленно, с большими перерывами, затем быстрее, ожидая от меня ответа: видимо, он хотел обучить меня не только понимать его, но и говорить!

Через две недели я выучил Б. «АББА», - посылал он сообщение, и я отвечал «АББА!» Мы поворачивали кран не больше, чем вы колесико часов, когда переводите стрелки на минуту назад - и все же понимали друг друга. «Баба-бабаа», «Баба-бабаа». «Баб А Баб?» «Баб А Баб!» Только теперь я осознал глубинный смысл того, что в году пятьдесят две недели, а в нашем алфавите двадцать шесть букв: ровно за год, касаясь пальцами крана и подставляя воде плечи, я научился говорить и понимать. Правда, О и С я уже знал, поэтому соответствующие занятия мы посвятили небольшим разговорным упражнениям. Например, мой друг просил: «Назови себя» и я говорил «он», потому что в моем имени, увы, встречаются буквы П, Т, Р и Э, очередь до которых еще не дошла.

За год мы так продвинулись, что нам уже не надо было переводить ощущения на коже в буквы. Мы научились направлять информацию непосредственно в мозг, точно так же, как мы говорим, не изучая фонетики.

Целый год наши разговоры сводились лишь к упражнениям, но теперь он мог наконец сказать мне все что угодно. Каково же было мое разочарование, когда он из раза в раз стал передавать мне одно и то же непонятное сообщение. Я уже давно догадался, что он никакой не заключенный, ведь не мог он в самом деле каждый раз принимать душ одновременно со мной? Нет, скорей всего, он втерся в ряды тюремного персонала в качестве истопника или кого-то в этом роде. По его терпеливой, сердечной манере общения со мной я понял, что имею дело с другом. Я называл его Дус. Но почему после года обучения он стремился

передать мне одно только это непонятное сообщение? Ну конечно, все дело в том, что он боится, что я могу проболтаться под пытками, расскажи он мне что-то еще. До чего же благоразумен Дус!

Слово, которое десятки раз произносил душ, было ФИХТЕРСХЕЙМ.

Ни в одном из известных мне языков это слово не встречалось, скорее всего, это было имя собственное. Но чье? Может, так зовут самого Дуса? А, может быть, человека, который придет меня освободить? Или оно как-то связано с судом, с алиби, со свидетелем?

Дус из раза в раз твердил свое ФИХТЕРСХЕЙМ, а я болтал без умолку. Я рассказал ему всю свою жизнь, даже то, что, казалось, уже и сам не помнил. Долгие годы, проведенные мной в тюрьме, покажутся вам, наверное, бесконечными, но я не нуждаюсь в сочувствии: я жил всего десять минут каждые две недели и был счастлив.

Но вот подошло время суда. Никому не нравится, когда его отрывают от разговора с любимым, но у меня не оставалось выбора.

В зале суда были окна, и в них я увидел голубое небо. Над головой судьи висел портрет диктатора, которого я помнил еще в качестве киноактера. В лице судьи я узнал одного из опаснейших подонков нового режима, но что мне было до этого, ведь он со мной говорил! Вначале я не разобрал, что он сказал. Лишь переведа звуки его речи в ощущения тепла на коже, я его понял. Он спросил меня: – и все телекамеры приблизились ко мне в ожидании моего ответа – «Кто стоит во главе заговора?» Я не волновался, я знал, чего ждет от меня Дус. Мои пальцы произвольно дернулись, как бы поворачивая кран, и я отчетливо произнес: «Имя главы заговора – Фихтерсхейм». По залу суда пронесся ропот.

– Джордж Фихтерсхейм? – переспросил судья.

– Фихтерсхейм, - подтвердил я.

Судья поднялся, натянул на голову белый остроконечный колпак, который за это время был возведен в ранг почетного головного убора, и прочел мне смертный приговор. Мне это было уже все равно. Я сделал то, чего хотел от меня Дус, все прошло блестяще, слово моих друзей преодолело толстые тюремные стены. Если у нас когда-нибудь случится революция, мы не пустим под душ пленных тиранов.

Мои стражи спросили, каково будет мое последнее желание: в ночь перед казнью я мог выбрать между пачкой сигарет, женщиной, сытным обедом или священником. «А можно мне сегодня постоять под душем сколько захочу?» Мне разрешили.

Не успели стражи выйти за дверь, как я уже влез в кабинку. Я знал, что Дус где-то рядом. Мы научились говорить с той же скоростью, с которой обычно разговариваете вы. Нам даже не нужно было произносить до конца все слова; а обычный человек и не заметил бы крохотной разницы в температуре воды. Дус говорил теперь откровенно, и порой мои пальцы буквально прирастали к крану от того, что мне приходилось услышать.

Сенсация первая: Дус оказался женщиной! Меня порой немного смущала моя любовь к мужчине, а теперь я не мог понять, как же я сразу не догадался, что такой нежный, милый голос мог быть только у женщины. Сенсация вторая: я смогу увидеть ее перед казнью!

Я, конечно же, объяснился ей в любви, в ответ на что она призналась, что уже с буквы К она тоже меня полюбила. Я сказал, что без воды, связывавшей нас, я бы не выдержал все эти годы, и что я безмерно рад тому, что смог назвать имя «Фихтерсхейм» в зале суда. О политике мы больше не говорили, столько надо было подарить друг другу ласк, нашептать несурзных словечек, а то и просто несколько минут помолчать под журчанье струй.

Ну вот и настал черед переходить от рассказа от первого лица к рассказу от третьего, ведь в конечном счете его казнят, а об этом очень неудобно рассказывать от первого лица.

Они говорили наперебой. Так же, как вы, например, разговаривая, слышите собственный голос, специально к нему не прислушиваясь, но при необходимости себя исправляете, так и они от ощущаемых ими колебаний температуры отбрасывали ту информацию, которую сами передавали, вращая краны. Под конец Дус сказала, что устала, он спел ей детскую колыбельную песенку, а она поцеловала все его тело сигналами Морзе Ц, Е, Л, У, Ю. Он выключил кран и оделся. Абсолютно счастливый, он стал ожидать казни.

За ним пришли охранники и отвели его в комнату, посреди которой стоял стул, разумеется, электрический (вы, может быть, подумали, что эта история произошла в России?). Он сел на стул, на кончиках пальцев, на голове и плечах у него закрепили клеммы. Ноги его привязали к деревянной решетке, из тех, на которые встают, чтобы обсушиться. В окошко за происходящим наблюдала палач. И вправду это была женщина! – за девять лет, что он провел за решеткой, многое изменилось. Палач, глядя на него, улыбалась. На столе перед ней лежал утренний выпуск газеты, чего, конечно, не мог видеть приговоренный к казни. Заголовки гласили: «После девяти лет молчания заключенный называет имя главного заговорщика. Джордж Фихтерсхейм арестован. Два миллиона демонстрантов перед Белым Домом требуют его смерти».

Палач надавила на ручку. Но не до конца. Слабый электрический разряд прошел по его плечам и пальцам. Еще раз такой же слабый толчок, за ним еще один слабый. А затем сильный, от которого он весь скорчился, потом еще один точно такой же и наконец третий. Затем снова слабый разряд, еще один слабый и третий слабый. Он взглянул на палача. Она усмехнулась и выжала ручку до конца.

(1971 г.)

Перевод

Светланы Князьковой специально для ПО

Владимир Друк

(США)

Vladimir.Druk и Yandex.RU

Из цикла “железные люди или оттуда”

“один”

один
один
один
один – одинешенек
совсем один
здесь
один плюс один
один
два плюс один
один
тысяча плюс один
тысяча и один
в поле не воин
один на один
один из лучших
один из самых
один из
номер один
один раз
здесь
еще один
один раз в неделю
все как один
один в один
один дорогой или два дешевых?
один, совсем один..
один прикольный глюк...
один положительный обзор
один орган
еще один миф
еще один член
ещё один сайтик неплохой
один вопрос один день до встречи!
группа компаний "глобал один"
он заходил сюда наверное один раз
еще один на колесах (read 99 times)
множественность: появляется один раз в элементе
я приду к тебе один, и с утра, - ты расскажешь мне всю жизнь, каждый день
в афганской провинции забудь в ходе операции правительственных войск уничтожен один из полевых командиров талибов гаусуддин,
сколько людей за один присест хочет сдать экзамен?
мобильный телефон siemens s55 за один евро!! одесса мама город у черного моря
у иркутской области отняли один избирательный округ
один, совсем один..
один ли я тут виноват?
как разделить один avi файл на два но меньших размеров
один шанс на двоих
ддт черный пес петербург "ты не один"
внешэкономбанк перевел один млн.рублей в фонд поддержки и
бип-би-би-бип {цензуред} как ты посмел это в один ряд с джа поставить!?
еще один повод поговорить о плюсах и минусах проведения всех выборов в один год
еще один взгляд из-за бугра

Игорь Ревякин специально для ПО

Revyakin

Борис Лежен

Франция

ПРОХОДЯ МИМО

Взгляд скульптур, обрамляющих портал Реймского собора, как круги появляющиеся на поверхности воды после брошенного камня, расходятся на поверхности времени.

Взгляд мельком брошенный зрителем измеряет медленное движение времени.

девятая линия*

*Голос
Голо голо
В пустынной белизне
Снежно черен
Череп вечер*

Длинный коридор, = туннель. По обеим его сторонам темнеют закрытые двери в комнаты. В каждой комнате семья. Трамвайный дребезг, шушотанье улицы вползали в комнату в конце коридора через окно и затихали в углах над крысиным помётом.

Прошедшее зияет разинутым зёвом > пусто выскобленное женское чрево.
Киноварь.

За стеной билась женщина в судорогах. Во время блокады, от голода, потеряв рассудок грызла умершего мужа на кухне. В полночь воспоминания терзают её, не оставляя.

Когда глядишь памятно в направлении комнаты в конце коридора, зачем-то проходит вновь на Девятой линии *Христос в белом венчике из роз* или яблоневого цвета. (Если смотреть из этой комнаты, виден яблоневый сад в цвету: лепестки цветов покрыли всю поверхность земли. Её чернота = это лишь неосознанная белизна.)

* Одна из улиц на Васильевском острове, районе С. Петербурга.

ПОДАРОК К РОЖДЕСТВУ

для Мадлен Л.

1

В горном источнике ключится прохладность
Отраженных скал

Синевой распухшей
Позднеосенними декабрьскими дождями
De tes yeux = твоих глаз

Изначально льняную белизну
Утренних полей

Преподношу тебе
(повторяя некогда проделанный Поэтом опыт преобразования слов в предметы)

2

Из этих слов:

*Прохладность Синева Белизна Свет
Дождь и Скала*

Отгранив в сердцефуге
Драгоценный камень

Кладу в твою руку >
Сверкает радужной
Тяжестью света

Рисунок автора специально для ПО

Юрий Линник

профессор кафедры философии
Петрозаводского университета

Трансметафора Cedroviana

Константин Кедров в истории русской культуры – явление предельно самобытное и резко нетривиальное. Он универсален: поэт – филолог – философ – художник – педагог в одном лице; скрепляющей основой этой много испостасности является космизм. Я бы уточнил: космизм экзистенциально – диалектический – обретший остро парадоксальную форму. Гегель считал себя конечной вершиной диалектики. У Константина Кедрова больше прав на эту позицию: он действительно ставит точку в развитии диалектических идей – и это взрывчатая точка сингулярности, в которой бытие выворачивается наизнанку, обнаруживая свою глубинную суть.

О переходе противоположностей друг в друга философы говорят давно. Малое может обернуться великим. Такова геометрия Анаксагора: пылинка здесь беременна Универсумом. Ошеломляет и лейбницевская монада: часть тут эквивалентна целому – фрактально вмещает его в себе. Или вспомним другую, близкую по духу традицию: первочеловек Пуруша, принося себя в жертву, становится Вселенной. За всеми этими представлениями стоят фундаментальные архетипы. Единственный современный мыслитель, чувствующий их значимость и мощь – это Константин Кедров: начатое предшественниками – и часто эскизное, как бы недоговоренное – получает у него абсолютно полное и совершенное выражение. Это диалектика в ее экстремальном или радикальном виде – когда замыкаются на себя, искря космогонией, крайние, для обыденного сознания абсолютно несовместимые противоположности. Их переход друг в друга для Кедрова – это инверсия: когда исподняя и лицевая грани бытия меняются местами, обнаруживая как свое несходство, так и неожиданную амбивалентность.

Вот важнейший момент: диалектика этого перехода у Кедрова подвергается тотальной антропологизации. Это значит, что снимается извечная альтернатива онтологизма и персонализма – осуществляется мощнейший философский синтез. Мое конкретное «я», выявляя свою наоборотность при пересечении таинственного средостения, становится сразу и космосом, и его демиургом. Цепь причинности тут обретает структуру круга. Однако он не тавтологичен. Хотя альфа с омегой рокировались, но это не значит, что различия между ними стерты. Бог остается Богом – человек остается человеком. Но не в том ли состоит суть мирового ритма, что они периодически должны меняться местами? Это вовсе не круговорот. Ведь каждая фаза цикла несет новизну! Эволюционирует и Бог, и человек – пересменка дает много обоим.

Перед нами авангардистская диалектика. Закономерно, что она создана поэтом-философом – достойным наследником Хлебникова и Крученыха. Онтологические переворачивания, о которых говорит Константин Кедров, обязательно предполагают обращение смыслов, что входит в компетенцию не только логики, но и поэзии. Преимущественно именно поэзии! Она первой овладела искусством метаморфозы. Творимые ею превращения фиксируются в метафорах. Что будет, если превращение захватит посюстороннее и потустороннее – имманентное и трансцендентное? Поэту тогда придется углубить метафору в онтологическое зазеркалье. Она неизбежно станет транс-метафорой – или мета-метафорой: данный термин – но без дефиса в своем написании – стал девизом целой поэтической школы, созданной Константином Кедровым. Афанасий Александрийский писал: «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал Богом». Кедров динамизирует эту удивительную зеркальную симметрию. Поэзия в нем и через него пришла к идее теозиса – и это апофеоз поэзии: она еще раз показала – и ведь как блистательно! – божественность своей природы.

Алла Кессельман

ДООС

CHINA'я

Стриженный электрический
Аэропорт искр
Полигон песчинок
У земли на затылке
Закручен хвост ананаса

– Пчхи! – он взрывается лимонадом
и улетает на Марс.
А нас опускается
Афро-Китай

Он достает из желтого кофра
свою улитку-столицу:
шелком вышиты створки ворот
перламутровый небосвод
цепи катятся с неба вниз –
в фарфоровой вселенной
земля и небо образуют сервис
когда на земле и в небесных чашах
хороводы чашек
начинают чайную церемонию.

Над маленьким Китаем
Небо раскрыто зонтом
Расписанным птицами и цветами
с крошечными тувельками облаков
для ножек росы:
роса любит встать на цыпочки
прежде чем улететь.

Пушистая парашутка
Параулыбка
Улыбка пара
Танцует на высоких стебелькафедрях

У чая с лица борода улетает
в ней ангелы чая сторожат жар –
ведь только в жару
чай может кувиркаться в воздухе
на аэробатутах и матах.

Аромату нужна акустика.

В древности чай называли муж-China
А цветок женьшеня женщиной.
Когда вечером звезды мешают чаю
Лучистыми ложками щекоча за шею
улитка мужчины любит прятаться в домик женьшеня
качаться в колыбели женьшеня
висеть в петле...
но на игле
цветок теряет цвет,
становится радугой, умирая.

Так они друг в друга играют
Так порой
качается звездный паром
он не уплывает, мешая туман-молоко
пока пара не станет паром
над чайной рекой.

Сергей Лёвин

Анапа

Закрыв диск солнца
из реки выходила
со скрежетом льдин
и бурлением вод
порождение новой эпохи –
МЕГАРЫБА,
открывала пещерносводчатый рот
ухмылялась зубами –
каркасами стали,
выбрасывала язык-монорельс,
и мы,
заморожено глядя,

Мегарыба

стояли
перед гибельной глыбой
не где-то,
а ЗДЕСЬ.
Росли плавники,
хвост бугрился наростами,
чешуя отливала свинцом,
и мы
ощущали себя
вовсе не взрослыми, а
детьми,
виноватыми

перед
отцом.
Плеск громче и громче,
достигнув крещендо,
вломился безумием
в толпы зевак,
и мы,
о Всевышнем
подумав зачем-то,
услышали
мертвое
«ДАБУДЕТМРАК».

Андрей Грицман (США)

Каждое утро я просыпался, видя перед собой московский Кремль. Некоторое время обалдело смотрел на огромную открытку, вклеенную в окно моего номера. Потом соображал, что все нормально, все под контролем: я в гостинице «Россия», в Западном корпусе, куда оргкомитет Конгресса поэтов поселил представителей дальнего, Западного, зарубежья. Селедка под шубой и салат столичный на завтрак в большом столовом зале отеля с видом на Лобное место только усиливали сюрреалистичность и поэтичность (что одно и то же) ситуации. С сосиской во рту мы смотрели на боковые приделы храма со стрельчатými окнами. откуда скидывали очередного Ивашку на часток кол копий очередной народной дружины. «Реальность сюрреализма» ситуации еще усилилась, когда я вспомнил, что ровно 86 лет назад мой дед командовал отрядом красногвардейцев, довольно быстро и бескровно отбивших Кремль от засевших там неопытных юных юнкеров. За что и поплатился потом всей своей жизнью на новой родине, в которую попал из Польши. (Биеннале поэтов в Москве, 2003).

* * *

Над всей Испанией безоблачное небо.
Век кончился. Осталось меньше года.
Смысл жизни остается где-то слева,
у дачного загадочного пруда.

Над всей Голландией плывут головки сыра,
над пагодами домиков имбирных.
Там сдобный запах дремлющего мира,
он в перископе видится двухмерным.

Над всей Россией тучи ходят хмуро
и в магазинах "появилось сыра".
Идут войска на зимние квартиры
и на броне ржавеет голубь мира.

Над всей Малаховкой летают девки круто,
над зеленью прудов пристанционных.
Внизу в шкафах с тоской звенит посуда
и мужики вздыхают иступленно.

Над всем Китаем дождь идет из риса,
но в атмосфере не хватает сыра.
По всей Евразии летает призрак мира
подобием дощатого сортира.

Летит над США ширококрыло пицца
с салями и, конечно, с сыром.
За ней следит патрульная полиция
с сознанием веры, верности и силы.

В Канаде, там идут дожди косые,
густые, как на площади Миусской,
где сладковатый запах керосина
стоит сто лет, и продают сосиски.

Над Средиземноморьем голубое
разорвано пурпурно-серым взрывом.
Фалафель там сражается с хурмой,
сулаки бьются с хумусом и пловом,
но, как всегда, нейтральны помидоры.

Над Гибралтаром вьется истребитель,
взлетевшая душа Шестого флота.
В компьютере там есть предохранитель.
Он нас предохраняет от ошибки,
чтоб не пришлось начать все это снова,

Стеклянный
носорог-
бутылка
обнаружен
в Париже
Кристиной
Зейтунян-
Белоус
и подарен
ДООСу.

Фото
Елены
Кацюбы

ты меч

видишь ты видишь видишь ты ты видишь то то что ты в то что ты веришь веришь ты те веры в
те те что ты веришь видишь ли ты видишь ли ты ты те лица те что ты будешь те что ты станешь
стянешь ты ты тех вер видений тех что ты видишь видишь ли ты видишь их стих вздох метаний
стянешь ли их стон стенаний станешь будешь ли ты ты то что ты веришь веришь ли ты то что
ты станешь тем там что ты видишь тем там что ты ты хочешь хочешь ли хочешь ли ты видеть то
то что ты видишь тишь тишь ты ты молчишь хочешь ты молчишь ты видишь ли молча веришь
ли плача в плач палача в плач плач плач ты плач ты меч ты веришь

Владимир Монахов
(Братск)

Ноу-феня.

Трилогия начинающего графомана

Люблю писать стихи и отдавать в печать.
Гр. Хвостов.

Мягкий текст

Бьбь
Бьбь
Бьбь
Бьбь

Твердый текст

ТЬЬЬ
ТЬЬЬ
ТЬЬЬ
ТЬЬЬ

Синтетический текст

Бьбь
ТЬЬЬ
БЬЬ
ТЬЬЬ

Постскриптум. Стихи опровергаются
стихами.

Черный треугольник любимой

Малевича “Черный квадрат”
Меркнет перед черным
Треугольником
Меж ног
Твои
х!

**Фатима
Цаголова**

Горсть зерна
в горсти земли,
гроздь вина (ы) –
в Вечности горсти,
и – ни грусти,
ни «прости»,
жалости – ни –
в звездной горсти.
Ты ти-хо у-хо-ди-
шь! –
ти-ши-на
на горсть зерна –
лишь...

Когда женщину
наполняет
полнолуние,
а не мужчина, –
это и есть причина ...
И так чинно
руки лежат –
сжат урожай,
сжат.

В священных сумерках чужой души
струится сердце мертвенным покоем,
в котором все дальнейшее –
молчанье,
красноречивее молчанья флейты
в руках пустынных.

Владимир Аристовмузыкант
(Германия)**Анна Гайван**

* * *

Мне так страшно иногда
 Я не знаю. Это сон
 Это пьяная мечта
 И незапертый балкон
 Неуслышанный мотив
 Нерасплавившийся снег
 И не вырвавшийся крик
 И некончившийся бред
 Незабытая любовь
 Непослушные слова
 Невзбесившаяся кровь
 Невзлетевшая душа
 Незадетая струна
 Не сковавший веки сон
 Муки бедного ума
 Сердца прыгающий тон
 Бледно белый цвет лица
 Темно красный цвет одежд
 Бесконечность без конца
 Ведающий среди невежд
 Несгустившаяся тьма
 Незакончившийся день
 Разоренная тюрьма
 Неотброшенная тень
 Темно-светлая тоска
 Нежно греющийся огонь
 Пишущая стих рука
 Движущая жизнь любовь

Лоренс Блинов

Казань

в стуПлЕНИЕ втрЕтьЕ Ты

эпостась

(Фрагмент – продолжение)

- 10 на самом краю свирель моя
 11 свире
 пый ТИГР он-же-не-только-в-тех
 заклЯтых !за-клет-ных! джунглях
 на самом краю гор
 мальчик
 в галстукЕ
 свирепый тигр – струны горизонт и свире ----
 тише!
 12 СВИОЭЛЬ уже легла и свернулась кала-
 чикОм (чик-чик)
 13 ОМ_м ммммм-----
^эт_о тот [ТОТ] звук (к к к к ко)
 который
 чик чик(к)
 ко всему прочему устройству мира
 был прилажен ранее так
 (чик!)
 прилежно (тРик-тРик, тРик-тРак)
 прилажен так
 прилажно
 приложен (тик тик)
 что
 14 А что – «что»? –
 примером тому ухо
 свирели послушное или
 ели
 свир
 15 Эх!
 Не привык я
 нак много (го го) го
 ворить об этом эта
 это
 эта свирель – это
 эта
 лон лона уха
 ха!
 16 ухА ли это на костре кипит
 филин-сова ли ухаеТ
 слóвА ли
 ухА ли
 ее ли запах
 слова ли ели смолистые
 или это гру (гвру грву)
 [ге ты г у р у моего прежнего Я!?!]
 гру
 та самая груша медвяная
 прозрачногрудая
 благоухает
 при-зрачная прозрачно-при про

Ольга Ильницкая

Специально для ПО

Шкаф Неэвклида

О, дон Хуан! О, донна Анна!
О, дочь их пылкая, Мари Ху Ана!

– Всё начиналось в розовом шкафу.
– Что начиналось?
– Всё!

Я подошла, я дверь полуприкрыла. Чтобы не ключило. Но тут же вновь открыла: сияло солнце; дерево зеленело; Адамо с Ево в том шкафу сидело.

– Бабушка, – сказал внук, – когда ты куришь сигарету «Вог», ты носом шмыгаешь, что, это аллергия?

Ловко внук сдвигал папиросную гильзу «Сальве», сухой рыжей невзрачностью трамбовал, говорил о свободе:

– А чужую она не бывает!

Я затянулась лишь четыре раза. И косячок вдруг сразу прекратился. Вошел весь целиком и растворился. И это было да, смешно и ново!

– О, авиолла, – голос неземной пел надо мной, – о, миа авиолла!

...Во все глаза глядел внучок на мой погасший косячок...

А из гардероба выглянуло что?

Что! Ничего.

Чашки и чайники.

Угол из кухонного угла вмиг выдвинул себя гипотенузой, хотевшей катет, но – не совпадало с - слева прямоугольник в плоскость перешёл, прошив насквозь.

Настало хорошо!

– Не обормоть! – прикрикнула на внука. – Башибузук! Отдай башибузуку!

Очень смешно. Ресницы щекотали.

Струились по диаметру щеки, стихая, смехи.

– Чая, да покрепче! Побольше сахара! Две!

Три! Нет, ложек шесть!

В движениях руки подмножества клубились.

И множились. И квадратура круга

свершалась.

Так я корень извлекла! И плоскости разъялись.

Хотела встать, пойти умыться (от удивления и смеха тушь струится)... Глаза! Щипало!

Встать я не умела. Мне нужно стало, чтобы отвернулся. Внук отвернулся, но меня шатало.

Он оглянулся – вдруг я как река, по тыльной стороне моей ладони, синяя жилкой...

Внук посмотрел, я вновь остолбенела.

Напрасно крылья махаона росли вдоль рек, я не смогла ни шагу ступить, пока он иглами входил в моё движенье, и пришивал к пространству, превращая в яйцо крутое.

Сквозь меня ходили, пересекались параллели, окружности, цилиндр и Лобачевский, и нити золотые бенгалили по абрису яйца, и гасли, опадая на линолеум огни аэропортов неземных. Жизнь поняла! И тотчас улетела.

При перегрузках хохотала.

Колбасило всерьёз.

– Верни домой! – вдруг заявила внуку.

Он произнёс:

– Прибой. Не попадёшь. Дождит за горизонтом!

Окружена светящимся нейлоном трех плоскостей, спиралей турбулентных,

я втягивалась червяком дороги, надевалась чулком безмерным на ногу пространства, я продвигалась, но совсем не к дому.

Жила внутри – без глаз, без рук, без тела, в том розовом шкафу висела шпага, и платице на плечиках висело...

..(Не долго я на небеса летела!

Я донной Мирабеллою была)...

О, дон Хуан,

О, его донна Анна,

И дочь их жаркая

Мари Ху Ана!

Я не боялась дождевых червей!

Остывшее яйцо моих видений я жарила на медленном огне!

Горела синим пламенем и знала - не стану вновь нанизывать пространство на плоскость лба! На радиус ребра! На клетку всех равновеликих вдохов!

И, Неэвклида не призвав на помощь, я тихо, крадучись, спешила дом покинуть, где папирота «Сальве» отдымила.

Всё кончилось. Меня настиг рассвет: и Лобачевский ножку не подставил, и Неэвклид не выключил мне свет!

...Я вошла в улицу, словно в дождевого червя, и он сокращался, продвигая меня от начала к концу.

Когда я вышла, сквозь пройдя, оказалась продвинутой до входа в измерение иное. Задумалась.

И в дверь не постучала.

И дверь не отворили для меня.

...Так завершаются неверные начала.

Международный вечер поэзии в Музее Маяковского 23 октября 2003

Участвовали: Ж.Э.Риопель, М.Ван Хее, Ф. де Критс, Янг Лиан, М.Визельтир, С.Петлевски, А.Коротко, Л.А.Мальника, а также А.Вознесенский, К.Кедров, В.Рабинович, Е.Кацюба, А.Полонская.

Янг Лиан

Новая Зеландия

дом подобный тени

вот твой дом тени подобный дом
постройка посреди лужайки сгущает сумрак
с неба низвергнутая птичья песня ласковые язычки листьев
снова обсудим утомленную бурю
и тени утомлены строятся в шеренгу слепцы
с тупым безразличием валяются в пропасть

это твой дом дом без тебя
ты задолжал ужас кошмаров
мышь прыгает на пол скользит в приступе тошноты
тени подобная мышь
черней и черней лицо
рот цвета розы выгрыз настезь врата поминальной песни
когда день умирает ты вселяешься в тлетворное пламя свечи

когда четыре стены имитируют жизнь в безъязыкой немоте
свет на цыпочках по хрупчайшим камням проникает под землю

проникает в тебя тенеподобный хозяин
страстно распахивает балкон ночи обзореваает ландшафт
еще одна дикая кошка в погоне за собственным страхом
еще один череп встречает свой конец на вбитом в звезду гвозде
на бурьян похожий серебристо-белесый
виснет с прямою игральной кости мрак-паралитик
вымарывает тебя годовалого и враз состарившегося
так отвратительный лунный свет вымарывает этот лоскут
пустующей земли

Переводчик Илья Смирнов

Жан-Эрик Риопель

Канада

твои глаза
в моих ладонях
долгий пейзаж
побежденного мира

губы твои
жаркое слово
мякоть
древесного сока

город простерт
у моих ног
палое платье
аэропорт
моего бытия

ты я надеюсь там куда я
стремлюсь где горы
стиснуты как река
берегами

кожа твоя
моя пустыня
я должен ее пересечь

Переводчик
Михаил Яснов

Александр Коротко

Украина

С вытянутым подбородком солнце легло на рассвет. Лето было как лето, веселое и короткое, как на песке умирающий след. Волны шатались пьяные, потом их скрутил фашизм, и, рожи скорчив поганые, кусая губы, никуда не сворачивая, на берег испуганный, они крестonosцами шли и шли.

Дождь стоя спал. И лошадиная тоска с глазами, мертвыми от слез, везла ночей тяжелый воз сквозь тишину, сквозь наши сны, и этот немощный союз вела Всесильного рука, и сердце детское луны лежало камнем на пути, и кто-то с радостью немой назвал его «червонный туз».

Международный вечер поэзии в Музее Маяковского 23 октября 2003

Меир Визельтир

Израиль

Эйн-А-Тхелет

Были прораставшие пейзажи, что прорастили
в спаленных песках белые кубики. Отблеск
неведомый нашим отцам. Разве что
воображаемым праотцам из потрепанных книг.
Бдящие наши глаза видят: ровный ряд
супротив ровного ряда дворов,
размеченных колышками и бечевкой,
крыши с увесистой черепицей, краснеющей еле-еле.
Песку, что в середине – называться дорогой,
skonфуженному кусту – называться деревом,
презренному праху – называться Адамом,
и только небо – небо для Господа,
небесная твердь во всем полноценная.
Лазурь лиловеющая, раскаленная,
и обмантый порывистый ветер с моря,
собирающий в горсть обрывки благоуханий
апельсиновых рощ, пустырей и течки суглинка.
При крушении дня на померкшие дюны
вспыхивают нагие огни. Да только свет,
он и есть свет, он озаряет во тьме: песню протеста
лисиц и шакалов округи, летучей мыши полет.

Переводчик Гали-Дана Зингер

Луис Армента Мальника

Мексика

Эфемерное бытие бога
вечное мгновение
человека.
При ударе в бок
в его глазах
прорастают две розы,
и стынут в крови
крики стервятников,
почувявших близость поживы.
Бог живет, чтобы родиться среди людей,
чтобы они, глядя на его
изъязвленное тело,
видели красные цветы
и отгоняли птиц
на последнем рубеже его жизни.

А другие люди, с коршуном на плече,
не поверят в цветы, потому что на небе
не будет солнца.
Да озарит их ночная тьма!
Подобно цветам,
человек расточает свой запах,
когда умирает.

Переводчик Андрей Щетников

Мириам Вае Хее

Бельгия

Мысли во время полета

я сидела у окна, солнце светило сзади
под крылом земля проползала,
окруженная морем, как хлеб,
который кто-то ел без особого аппетита

иногда внизу что-то отражало солнце:
дверь машины, окно на крыше,
все двигалось, если не здесь, то под нами

у меня замерло сердце, в газете
я прочитала вдруг о смерти поэта
я вспомнила его последнее стихотворение
о любимой конце туннеля,
залитой светом, он свою руку
положил ей на колено

ночью думаешь о детях и чуде
их рождения, но к этому привыкаешь
да и было ли это чудом?
разве смерть не большее чудо?
больше чем все другое на свете?

и поэтому хотелось на землю, ибо хорошо
быть в воздухе одному не хорошо человеку,
ему положено испытывать голод,
уезжать и опять возвращаться,
ему положено упав подниматься

Переводчик Дмитрий Сильвестров

Франк де Критс

Бельгия

Столярное мастерство

часто поэт говорил первый стих
это дар божий второй вопрос
столярного мастерства отец его поздно
поведал
ему эту мудрость столяр из тебя никогда
не получится его руки как кротовые лапы
я целый день забиваю гвозди обычно
он как безумный сидит по ночам над стихами
и по столярному делу отец вместе с сыном
терпеливо строгапи пилили стружки
опилки единственный результат
их работы позже читал сын поэта
стихи своего отца сидя за столом
сделанным дедом и ухмылялся

Переводчик Дмитрий Сильвестров

Александр Федулов

(Тамбов)

Палиндром – частный случай орнамента

Фрагменты

Орнамент – особое письмо. Это молитва, просьба. Это оберег. Это заклинание. Это жертвоприношение. Характерные черты орнамента – упорядоченность и тиражированность (повторяемость как элемент зомбирования), а также симметричность. Симметричность надо поставить на первое место. Симметрия – наиболее простое и эффективное средство, с помощью которого решается одна из главных художественно-этических задач нашей жизни – соблюдение равновесия. Равновесие – психофизическая основа человека.

Первые слова, связавшие человека с миром-космосом, вероятно, использовали в своей структуре симметрию и повтор, либо были целиком симметричны. В этом стремление к цельности и автономности образа, к его абсолютной величине – к модуль-образу. Например, такие реликты:

– ата – отец; дядя; вежливое обращение к пожилым татарам, вост.- русск. (Даль), из чагат., тат, казах. ата отец; дедушка или телеутский adai отец [ср. с Адонаи – А.Ф.];

– аса – самец; отец; гроза – чувашский;

– ама – самка; мать; богиня – мать всего мира – чувашский;

– каллака – башмак, сшитый из кожи головы оленя, печенегское из саамского kallak;

– лал – рубин из персидского lal;

– апана ананас, язык тупи, Бразилия;

– боб.

Надо помнить, что у слов были авторы, которые либо выдумывали что-то оригинальное, либо заимствовали у соседей (или из книг), приспособлявая чужие слова к своим языковым нуждам. И здесь, как мы знаем, масса всевозможных вариантов, среди которых и тавтология – ни бельмеса не знает (bilmäs он не знает, тат., тур.); искажение значения с точностью до наоборот – яма в японском гора, буерак в карачаевском холм, гора bajrak.

Встречаются и такие слова, которые я бы назвал синонимическим палиндромом. Правильнее было бы – синоним – анаграмма, или – простейший эквивалент (Тор – рот; Тор – громовник), но палиндром точнее указывает на зеркальность отображения. Возьмем Nebel мгла, старинный синоним тучи, в обратную Leben жизнь – прямая связь с тучей, несущей животворящий дождь. Или Bældæg (dæg = tæg) бог света, белого дня (от кельтского la день, откуда Val бог солнца, у славян Белбог) – в обратную бог жизни. Или слово черт: в сербохорватском заклинать, клясть, в словенском ненависть, вражда, в праславянском проклятый. Вероятно (по Якобсону и Шпицеру) от черта, чертить из персидского čartāk (čār четыре + tāk портик, балкон). Плюс к строительному термину čār, čāra (откуда чары, чародей - колдун). Т. е. черт – Некто, решившийся переступить черту, отречься от кого-то или чего-то (посмотрите в этом плане анаграмму отречения: оцъртень – разрезавший, установивший границу). Черт в греческом – διάβολος; в обратную: сола – подошва и ит. solo один; αἰδής – отвратительный; пошлый; αἰδής – отвращение; пошлость [кстати, палиндром], но в арабском aida – польза, вознаграждение, а в а в русском аид равен аду, т.е. дьявол – путь в ад (или – благими намерениями выслан путь в ад), но это еще не все, теперь прочтем по латыни (без диссимиляции). diabolos – di |a| бог + volo |s| волонтер, avolo – отлетать.

Слово бог иногда выступал в качестве эвфемизма, заменяя табуированное черт, так же как богиня - привидение, и еще – следует различать семантики до- и послехристианскую. (Посмотрите эвфемизм черта мерет от мрак, мара – призрак: в обратную терем, т.е. черт, «существо» домашнее, а если вспомнить, что терем в первооснове женская светлица (кыпчакское tärme женский покой, монгольское terme стена, решетка стены), а женщина у многих народов это темное начало (инь - ян), то приходим к сюжету о грехопадении. Любопытно с этих позиций прочесть сказку Сивка-бурка, где Иван-дурак домогается царевны, сидящей в тереме. Сюжет оборотень? Ироническое переосмысление? Кстати, Иван наоборот: нави, навь – мертвец). Как видим, семантика слов, образующих одно целое с разных сторон, и расширяет толкование этого целого и в то же время синонимично основному представлению об этом целом. Мы знаем орнаменты в камне, дереве, металле, тканях, рисованные (в том числе на теле человека), в архитектуре, в одежде, в бытовом обиходе, в рукописных и печатных книгах. Естественно поискать вербальный. А вербальный орнамент – не палиндром ли?

«Я – рев зверя».
Вариация Кристины Зейтуниан-Белоус на тему
«Палиндромического словаря» Елены Кацюбы

Елена Бертолло

Новосибирск

РЫБКА

Ждала ребёнка, а родилась рыбка.
Крошечная, килька или тюлька, типа того.
Завернула свою детку в носовой платок, еду в трамвае, размышляя
Чем кормят маленьких рыбок?
Что скажет моя мама, будет ли любить её?
Ведь рыбка – необычный ребёнок.
Как мы будем жить вместе, представляла.
Как, возможно, придётся купить аквариум...
Трамвай покачивался, я мечтала.
В задумчивости развернула платочек и съела свою рыбку.
Случайно.
Я, видимо, плохая мать.

СЕЗОН ЛЮБВИ

Бестолково день прошел.
Чем занята – сказать сложно.
Денег нет и, похоже, не будет.
А в Новосибирском зоопарке сезон любви.
Даже у черепах.
Огромные черепахи дерут с корнями траву и проглатывают не жуя.
С невероятной ловкостью одна (энергичная), запрыгнула другой
(разине), на спину. Чешуйчатые лапки обхватили панцирь подруги.
Костяной конгломерат таинственно задвигался, закричал.
Родители спохватились, потянули ребятшек прочь.
А те – сопротивляться и кричать: «Мы не пойдём, мы хотим послушать,
как черепашки хрюкают!»

Рисунки автора

Юрий Арабов

Гимн середине

Побеждает экватор, полюса постигает крах.
Северный, как луна... Южный почти безлюден.
В черном небе размазан чей-то блестящий прах.
В океан вмерзают осколки лихих посудин

со стола путешествий и тайн четырех стихий,
"Пионера"-подлодки, "Титаника"... Выиграет
только пеший.

Голова профессора Доуэля сочиняет в уме стихи,
но не запишет и темечко не почешет.

Несколько Ихтиандров пытаются сбить АО,
сколотить, подобно кентавру, а собьет ПВО,
да и то с десятого раза, зацепив перед тем луну,
чтобы страшнее было далекому летуну.

В Южном полюсе глухо. В Северном – пастор Шлаг,
шифровальщица Кэтти, полковник-аккордеон.
Только экватор свой укрепляет пах.
И корабль с пробоиной просится на поклон.

И на качелях, заброшенных в пустоту,
в точке покоя кто-то слюнявит масть.
Вправо подбросит, – и прошлое не разберу,
влево, – и разум напрашивается в санчасть.

Побеждает экватор, не испытавши побед.
Лишь праздник морского черта забрызгает
чуть штаны.

В чашке черного чая приблизит лимон рассвет,
и питье светлеет, и звезды все сочтены.

А святые, гении, – это все полюса,
чтобы доска качалась, разбрасывая помет,
но побеждает экватор, чтоб не сказать оса,
и Ахилл укушен, чтоб не сказать "мертв".

Тяжелее песчинка, чем в капсуле фараон.
Пересечь в середину, замкнув на штанах пилу,
это реальный выход помимо морских кальсон,
одинаково внятный герою и холую.

Догадались? И *клей* (женского рода), и *сулька* (осколок ледышки-сосульки, is'nt it?) – и то, и другое – крученыховские фишки-пустышки. Заморочки-примочки Алексея Елисеевича, сконструировавшего мир во второй раз из звукобукв (звуковидов), цветоформ, контуров и плоскостей – сколов и срезов культзнаков: афиш, газет, цветных наклеек (отсюда и *цветная клей*), тряпиц, обносков и шобонов, обломков литер, Эвклидовых фигур в наездах и разбегах к центрам и перифериям пространств-времен в их взвихренностях и ступорах, Виттовых плясках и атомарностях слов, каспозыко мычащих и бляющих в филологических каптерках и *корнесловных* провиантских складах для вселенских дисгармоний. В виду первомира (Эдема) в мыследелательной пьесе, авторство которой приписывается Богу, по имени Книга Бытия – гармонического и ладного (с первого по шестой день включительно). А на седьмой – с Яблоком, коллажеобразно скатившимся в эту благодать дисгармоническим вдуном, объемно вздыбив равнину двумерности. Коллажно-апликационным манером на клею (цветном и сером с чернядью). Ассамбляжно – о трех измерениях. Цветомузыкально (для слуховидения). Демиургически мощно. Когда метод и результат вкупе. Словозрительно... Откровенно материально. На срезах, изломах, разломах. Раздорно, вздорно... Здорово!

(Здесь необходима ссылка на работы А.Н. Рылевой, посвященные наивному видению.)

Но и мир № 1 – божественный, эдемский – тоже небезматериальный. Только особым образом *не без...*

Поль Валери, допуская, что Бог творил *из ничего*, иронично заметил: верно, *из ничего*, но материал все время чувствуется.

Иронично о простодушном творце? Возможно ли? Да! Если только *коллаж* сама культура и есть. Или: сама культура есть *коллаж цитат* – в сдвигах и сшибках. В «поножовщине обломков» (*Пастернак второй природы*).

Разберемся...

Сулька сва и *цветная клей*... В чем дело?

Но прежде все-таки о коллаже как материализации форм. К смысловому принципу соединения разновременных и разностилевых элементов – знаков разных культур. Игра времен и пространств. Гетерогенные реальности в гомогенном пространстве-времени.

А может быть, разнородные знаки культур, стремящиеся войти в нейтральную пластическую среду эдемского изначалья? «Коллаж знаков» в двумерность полотна (=страницы)? От объемной буквальности к плоскостной метафоричности? Откровенно разнородно (разноприродно?) при тайном чаянии одно-породно-природной поверхности, зашкуренной и прилаженной фуганком и наждачной шкуркой к соседнему брусу аккуратно и впритык. Заподлицо. Коллаж – прием и результат сразу. Всклень и вровень. А *материал* разноприродья *все время чувствуется*. Не потому

ли, что предтворческое *ничего* – *материальное* ничего? Хотя бы потому, что названо. Как уж тут ни крути. Даже если это *ничего* – гул или даже слово. Или обломки от слов-действий. *Сульки* и *свы* всякие...

«Пелены» и «воздухи» по глади вод. *По-над водою*... Форма «творит» форму. Или – по Пастернаку – *образ входит в образ, а предмет сечет предмет*, уплощая все на свете. И... возжигаются новые смыслы, палимпсестно стирая старые. *Не для чужих глаз*, а для своих, уютно чувствующих себя в этих коллажно-ассамбляжных «Свосяях» (*Хлебников*).

И так - по всему XX веку. А за всем этим (позади) Анри Матисс с его декупажами (вырезками), с его «рисованием ножницами», соединяющим *контур* и *поверхность*, выстраивающим мир, но и конкретное произведение... Вот что он пишет: «... простой вырезкой можно передать все, что хочет передать рисовальщик или живописец... вырезка идеальна для эскиза и подготовки витража (Анри Матисс. 1869 – 1954. Живопись, рисунок, декупажи. Сост. Е.Б. Георгиевская и др. М., 1993, с. 293). И далее: «... рисовать ножницами. Врезаться прямо в цвет – это напоминает мне непосредственное ваение скульптора из камня» (Там же. С. 176). Декупаж – импульс к новому, преодолению инерции и штампа, ритмическим новшествам и выходам за пределы, воздвигнутые ретроградной эстетикой.

(Помните новое блюдо ресторанного меню эпохи борьбы за еду – *вырезку из «Продовольственной программы»*? Так сказать, *декупаж-мясозаменитель*...)

А теперь можно и о книге, репрезентирующей мир как вторую культуру собственно человеческой природы – взамен и вопреки божественно эдемской. *Культуру Седьмого дня*...

Книга принципиально коллажна. И в этом смысле цитатна. Но рукотворно цитатна (=коллажна). И в качестве таких цитат выступает *материал*: бумага, метизы (скрепки), картон, переплетные материалы, нитки для брошюровки, шрифтовые краски, гуаши, краски и чернила для иллюстраций, туши... И все они – не только вспомогательные материалы, но и встроены в сюжет. Они, в некотором роде, персонажи книги, но и – материал. Одухотворенный материал, а не только то, из чего...

Лишенные объема (третьего измерения), они встроены в двухмерность страницы (листа), и потому виртуально коллажны (точнее: ассамбляжны).

Внекнижный (засценический) план вос-полняет со-природную (нерукотворную) коллажность книги, ее объем-фактуру, над которой потрудились природа: лес, из которого сделана бумага; вещества для красителей; железная руда для метизов; пенька и жгут для ниток-веревок... Да мало ли что еще!..

И, наконец, книга как материализованный объем – плотный, предметный... Коллажируемый объем в ассамбляжах пространств культуры. Истаивающий в чистую духовность (текст – вербальный, живописный, графический) и вновь

уплотняющий духовные флюиды-эманации в себя же самого – книгу-предмет-объем. В *изделие*. Но среди книг-тиражей есть книга-особость. «Самописная» литографированная – футуристическая – книга. Коллажно-аппликационная, на клею. Точнее: на «цветной клею». Книга – «цветная клей». Порождающая и порождаемая. Творящая и творимая. Творящая и, одновременно, сходящая – по собственной своей природе – на нет. Но – творящая... Не потому ли *клея* как со-материал к многоцветным лоскуткам материи женского рода?.. Да и вербальное в таком книгоподобном кунштштоке тоже какое-то странное. *Сулька сва* какая-то...

[Собьемся на время с пути и на время же впадем в детство. Точнее: припадем к нему как истоку всепорождения...]

Сперва о многоцветных лоскутках. Мальчик-первоклассник на своем игровом бегу выдрал клочок из левой штанины серо-голубой джинсы. Покупать новые брюки – дорого, потому что мальчик из бедных мальчиков. Залатать джинсовой же, белесой от многолетней потертости заплатой – лишь подчеркнуть бедность, рняющую детскую душу в нынешнем мире Леви-Стросовской джинсы и замшевой натуральности валютных кож. Что делать? Изобретательная портниха-мать в роли голи, хитрой на выдумки, не раздумывая, лепит на дырку и на симметричное ей целое место две симметрично же цветных – в капризах разноцветья – тряпицы, оставшиеся от сложенного ей же и тоже от бедности лоскутного одеяла. Конструкция состоялась, красивое случилось, а заплатная бедность скралась откровенной нарочитостью коллажа, притом что нарочитость эта нахально утверждает: так было задумано с самого начала, и потому именно так и надо. Не иначе и только так! Спасительно и эстетически коллажно... Заметно, если всмотреться в разнородье материала. Искусно, если взглядеться в бесшовность швов. Естественно, если мальчик в круге сверстников – в промельках забав и радостей веселого лоскутного карнавала нынешних разноимущественных детств. В том числе и совсем ранних, с их звуко- и словопорождениями коллажной природы под названием *сулька сва* (ср. *паба*, что значит *колбаса* в речи девочки Клары полутора лет или *пиль* (не пыль ли?) *метать* вместо *подметать* в речи мальчика Славика двух с половиной лет). А здесь *сулька сва*. Что это такое? Поживем (почитаем) – увидим-услышим...]

«Когда б вы знали, из какого сора...» Но выростала из этого сора *сулька сва* и лоснилась *цветная клей*. Книжный образ анти-книги с моноэкземплярным тиражом. Всегда на первой (может быть, даже на нулевой) странице. С чистыми страницами и разворотами. С чистого листа, с обрывающимися в бездну краями картинок-гравюр. И так – далее. В бескнижные пустоты, чтобы начать все с начала – наскально-пещерной звукобуквоидной литературности в перспективе интернетовских *бездн*, *полных звезд* – файлов и сайтов; многозвездных человеческих одиночеств.

Но именно в такой вот книге-антикниге *воплотился* уникальный опыт книгоделания Хлебникова - Крученых, сплотивший *духословие* и *вещесловие* в качестве коллажа трехмерного в двухмерности книжного листа и в пафосе нескончаемых начинаний. В метафорической буквальности. Но –

метафорической. Но – нескончаемых начинаний. В метафорической буквальности. Но – *метафорической*. Но – *виртуальной*. И при этом все же буквальности: с наклейками, нашлапками, набалдашниками, намордниками и нарукавниками. На... Рукотворное продолжение природного...

Назову пока две такие книжицы-ижицы-антикнижицы: «Вселенская война Ъ» А. Крученых и О. Розановой (1916 год) и «Мирсконца» (1912 год), с цветочком на обложке работы Н. Гончаровой. Коллажированным (аппликационным) цветочком. *Цветной клею* наклеенном. Причем для каждого экземпляра (а их было мало) «свой цветочек». И потому экземпляр – уже не экземпляр, а штука. Уникум. Штучное, так сказать, изделие. Избывание тиража, книги, коллажа. Истаивание наклейки-нашлапки. В звездную до-печатность, до-коллажность, до-рисуочность... Наивное *вот-вот* и простодушное *только-только*. Пред-речье...

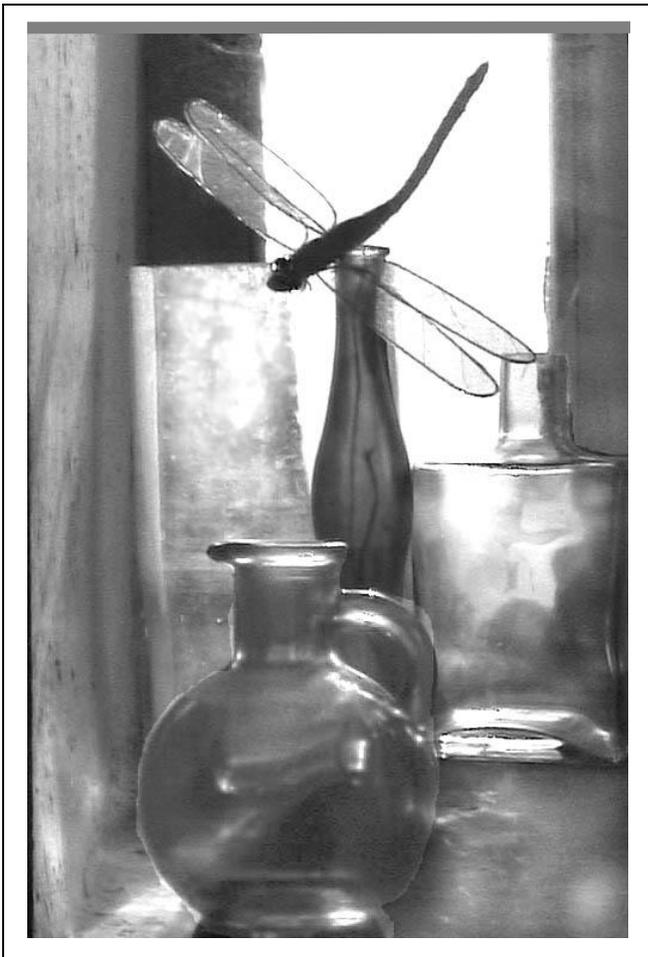
Крученых: «Эти наклейки рождены тем же, чем и заумный язык, - освобождением твори от ненужных неудобств («ярая беспредметность»)» (из Предисловия к «Вселенской войне Ъ»). Неужели снова в Эдем? Посмотрим...

Сулька сва и *цветная клей* продолжают. Но – в мореве *вззоми*, а в мареве неба - *небеди* и *времири*.

Плывущий в пеленах и воздухах кубофутуристический мир...

Футуристический пейзаж

<i>Цветная клей</i> и <i>сулька сва</i>	Всем этим фишкам в унисон.
Уж не сосулька ли свалилась?	...поет Кобзон, поет Кобзон
Кривым когтем перекрестилась	Как раскардаш на абордаж,
Одна ученая сова.	Та <i>беззаконная комета</i> Вошла в сей мир, как входят в раж, В то фиолетовое лето.
«Туншап» и «Качилдаз».	Язык ломал, аж челюсти ломило.
Диагноз ставил: острый бзик,	... ах, вернисаж! ах, вернисаж...
Притом, что пациент – чудила.	Любите этот ассамбляж, Цените это
...бесовских книг, бесовских книг...	празднородье, Как любит Бог
Смотрите сами: краски шмат	разнопородье В своей рабочей мастерской....
Швырнул, чем <i>смазал карту</i> литер,	А Велимирова душа В самосиянии витала, Выделявая антраша
И кровью высинил стигмат, А лишнее платочком вытер.	Даже тогда, когда устала.
А пуговица от кальсон (Из реквизита «шито-крыто»)	Когда же сделалось темно,
К обложке намертво пришита,	Как одесную, так ошую, Неслышно села на окно, Пчелой печальной <i>крылышкуя</i> .

Из истории ДООСа

– ...Вот, например, мой опекун очень любил басню “Стрекоза и Муравей”; я никогда не могла понять, что в ней хорошего; опекун всегда приговаривал: ай да молодец муравей! А мне всегда бывало жалко бедной стрекозы и досадно на жестокого муравья. Я уже многим говорила, нельзя ли попросить сочинителя, чтобы он переменял эту басню, но надо мной все смеялись.

– Не мудрено, милая кузина, потому что сочинитель этой басни умер еще до французской революции.

– Что это такое?

Я невольно улыбнулся такому милому невежеству и постарался в коротких словах дать моей собеседнице понятие о сем ужасном происшествии.

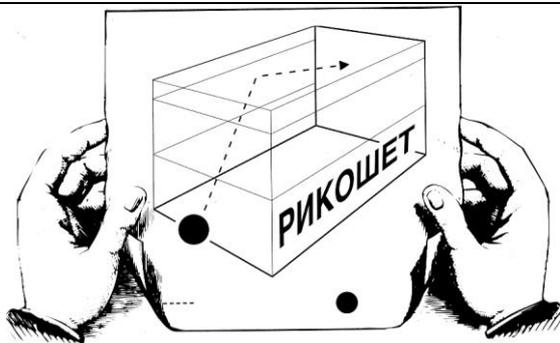
Софья была видимо встревожена, слезы показались у нее на глазах.

– Я этого и ожидала, - сказала она после некоторого молчания.

– Чего вы ожидали?

– То, что вы называете французскою революциею, непременно должно было произойти от басни “Стрекоза и Муравей”.

Владимир Одоевский.
«Косморама»

Герберт Пфайфер – Сергею Бирюкову

(по случаю получения № 4 «Журнала ПО», где были напечатаны палиндромы этого немецкого поэта, и «Нового палиндромического словаря»).

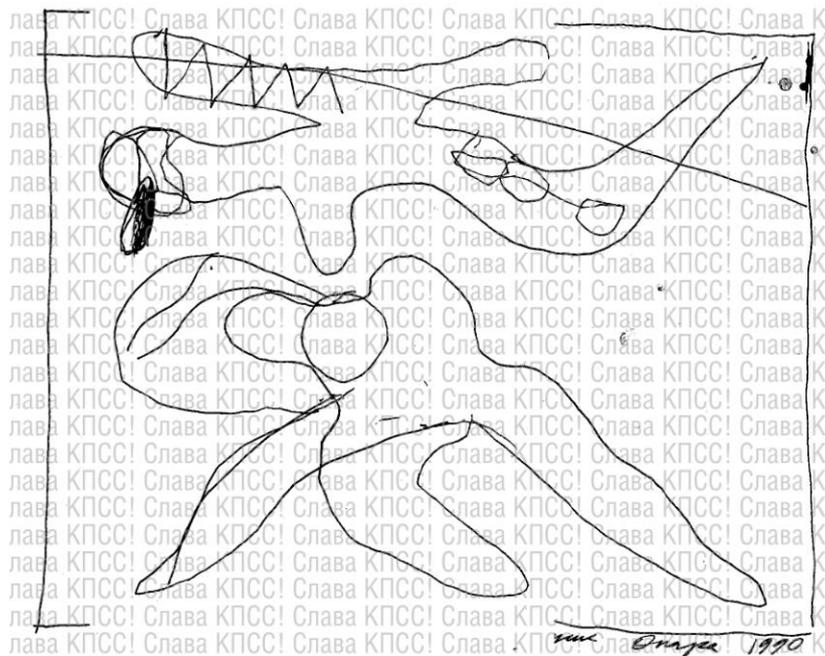
"Дорогой Сергей, большое спасибо за журнал! Это очень красивое издание, с прекрасными картинками и обширным содержанием <...> У меня ничего нового. Для своего книжного проекта с двумя тысячами палиндромов (я хотел выпустить это в 2002 году) не смог найти издателя".

Грустный автопортрет Г.Пфайфера

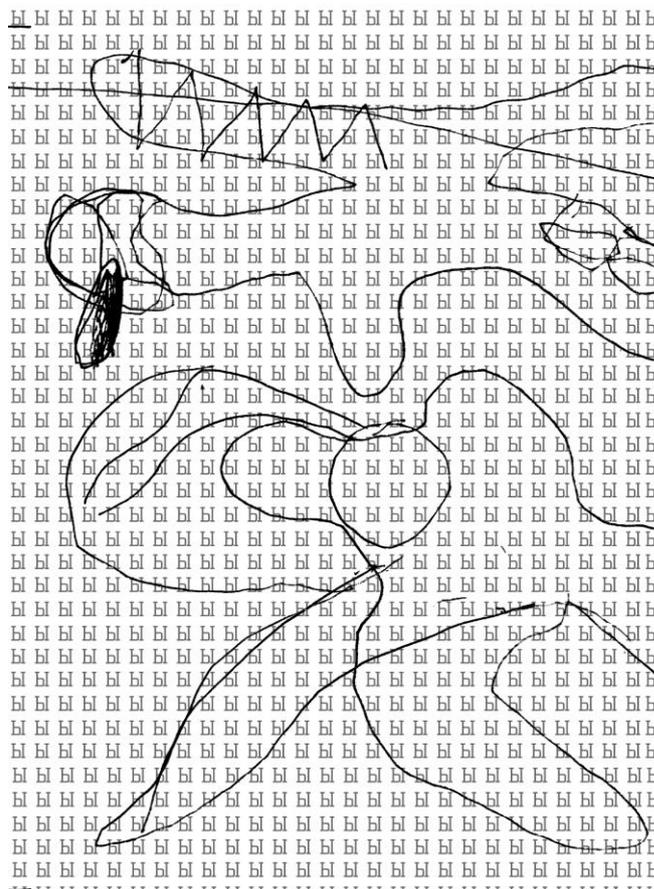
Владимир Опара

ДООС – лайнзавр

Сон. 1985 год.

Холл, раздевалка, справа небольшой зал. В зале, на полу, застеленном большим мягким ковром, вокруг меня, сидят люди. Я в центре. Лица большинства людей трудно различить, в зале тусклый свет. Я вижу Ленина среди сидящих. Ленин голову склонил на бок, чуть заметно улыбается. У него золотые глаза. Рядом Пикассо, он очень серьезен. Передо мной лист бумаги. Я рисую лошадь. Все смотрят. У меня на рисунке получается лошадь точь-в-точь как у Пикассо в картине «Смерть матадора»! Мне стыдно за мою не оригинальность, за прямое заимствование чужой манеры. Я не хочу так рисовать. Я хочу нарисовать гнедую, с играющими под переливающейся на свету кожей мышцами, нервно вздрагивающую лошадь. Нарисовать так, как я рисую! Но рука не слушается меня, я продолжаю рисовать «под Пикассо». Я в бешенстве! Я бросаю карандаш на лист бумаги. Карандаш с золотой каемкой, с надписью «Слава КПСС». И обеими руками, ногтями, я раздираю себе лицо. По моему лицу текут струйки крови. Все делают вид, что ничего особенного не происходит. Но я все понял. Я сошел с ума. Я выхожу в холл. Струйки крови текут по моему лицу, по рубашке. Я то же делаю вид, что все в порядке. Но ужас охватывает меня. Ни чего не исправить теперь, я сошел с ума. Навстречу мне попадают знакомые, они отводят глаза в сторону, они догадались, но делают вид, что ни чего не заметили, они спешат в тот зал, из которого я только что вышел.

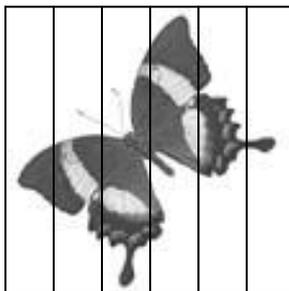
Рисунки автора

КУНСТ-КАМЕРА

Из истории поэзии

Наталья Кищик

главный редактор
журнала «Гороскоп»
специально для ПО

Первый бал Наташи

В 17 лет безумной страстью моей жизни был театр. В школе я считалась мифической личностью – без конца сочиняла невероятные, сказочные истории, где главные роли сама же и исполняла. Спектакли с продолжением представлялись публике каждую неделю. На них сбегалась вся школа. В студию МХАТ я поступила втихаря от отца. Тот и слышать не хотел, чтобы в его доме была актриса. Против поступления на журфак он возражал менее активно. Но был твердо убежден, что журналистике научить невозможно. Говорил: «Надо иметь профессию, чтобы разбираться в том, о чем будешь писать». Так мне пришлось согласиться на педвуз, и решили, что пока я поработаю пионервожатой в собственной школе. Учителя мои были счастливы и предложили Обкому комсомола послать меня на курсы в Центральную комсомольскую школу. Учеба шла легко и весело. Обучали тому, чему я сама могла с успехом научить любого: ходить по азимуту, зажечь костер с одной спички, поставить палатку. И после курсов, благодаря пятеркам по всем дисциплинам я наверняка получила бы право поступить на первый курс ЦКШ, если бы не «спектакль», героиней которого я невольно оказалась.

Мы все получили приглашение на студенческий бал. Не помню, как развлекались мои сокурсницы, а я была нарасхват. С бальными танцами у меня проблем не было, да еще дед втайне обучал меня року. Вечер пролетел, как в сказке, а наутро сюрприз – на лекции меня не допускают, посылают к зав. учебной частью. Вхожу. Сидит тетка-мырма в окружении училок и строгим голосом приказывает принести все, в чем я была на балу, заранее отпустив в мой адрес: «Нет, вы только посмотрите на нее! Что за наряд на ней в рабочие будни! Что это за белые пуговицы? Здесь тебе что – цирк?» На мне был маминого покроя черный суконный пиджачок-сюртучок без воротника, под горлышко, с белыми перламутровыми пуговицами. Но настоящая истерика началась, когда я принесла весь свой бальный наряд: бледно-голубое выпускное платье солнце-клевш и... голубые прозрачные перчатки, которые дала мне бабушка. Вот тут-то я невольно вспомнила и на себе прочувствовала строчки Ахматовой: «Я на правую руку надела перчатку с левой руки!» Тетка поднимала их двумя пальцами, махала перед моим носом и визжала, уж не знаю, что именно. Как я теперь понимаю, пыталась изобличить меня в неприличном поведении. Танцевала я, как выяснилось, только с иностранцами, за что и поплатилась. К ним не следовало и близко подходить, а тут еще негр проводил меня до общежития. Вот так закончился мой первый бал, и в тот же день меня отчислили из ЦКШ. И, слава Богу.

Глеб Якунин

К годовщине Норд-Оста

Норд-Ост –
морд рост
От Маты Хари
до матерых харей,
до волчьих пастей,
чтоб невинных пасти.

Норд-Ост
орд мост
от немецца
Освенцима
до бровки
на Дубровке.

Норд-Ост
лаз прост
каморры
газ по ГОСту
для уморы,
для погоста.

Nord-Ost
World-frost
O my God
Норд-Осту – год!

Октябрь 2003

Григорий Тисецкий

**Ленин,
которого я не знал...**

Без скипетра, с серпом руке.
Вся жизнь в большом овраге.
Судьба проходит по дуге.
Враги давно в ГУЛАГе.

Через врата немых сомнений,
Он каждый день проходит не спеша.
Его одолевает жажда наслаждений.
И от проблем болит душа.

Его не знал, не слышал я,
Но видел отражение в глазах.
Где за чертой былого дня,
Он заседал в кровавых поясах.

Он над царями суд вершил,
Но сам в короне эго заседал.
Божком запрета быть решил,
Но сам тела и души крал.

...Его не знал никто.
Он сам себя не знал...

Содержание

Тексты

- 1 – Хроника событий.
2 – Константин Кедров.
3 – Андрей Вознесенский
4 – Елена Кацюба, Александр Чернов
6 – Андрей Цуканов
7 – Генрих Сапгир, Анна Альчук
8 – Михаил Бузник, Татьяна Щербина
9 – Александр Ткаченко
10 – Сергей Бирюков, Наталья Азарова
11 – Алина Витухновская, Павел Пушкарев
12 – Борис Виктор, Кристина Зейтунян-Белоус
14 – Анжелина Полонская, Владимир Гуркин
15 – Георг Генрих фон Борнеман
16-17 – Александр Бубнов
18 – Игорь Холин
19 – Валерия Нарбикова
20 – Света Литвак, Евгений Таран, Михаил Вяткин
21 – Вилли Мельников, Галина Карташова
23-24 – Пит Грэй (Светлана Князькова – перевод)
25 – Владимир Друк
26 – Борис Лежен
28 – Юрий Линник
29 – Алла Кессельман, Сергей Лёвин
30 – Андрей Грицман
31 – Елена Сазина, Владимир Монахов, Фатима Цаголова
32 – Владимир Аристов, Анна Гайван, Лоренс Блинов
33 – Ольга Ильницкая
34 – Янг Лиан, Жан-Эрик Риопель, Александр Коротко
35 – Меир Визельтир, Луис Армента Мальника, Мириам Ван Хее, Франк де Критс
37 – Александр Федулов
38 – Елена Бертолло
39-40 – Вадим Рабинович
41 – Из истории ДООСа, «Рикошет» (Г.Пфайфер)
42 – Владимир Опара
43 – Кунст-камера (Наталья Кищик), Глеб Якунин, Григорий Тисецкий

Графика

- 3, 6, 11, 22, 27, обложка – Галина Мальцева
4, 25 – Игорь Ревякин
5 – Игорь Ганиковский
13, 33, 37 – Кристина Зейтунян-Белоус
18 – Михаил Молочников
27 – Борис Лежен
36 – Константин Кедров
38 – Елена Бертолло
41 – Герберт Пфайфер
42 – Владимир Опара

Фото

- 8, 14, 27, 29, 30, 41 – Елена Кацюба
22 – Алексей Парщиков

А л ь м а н а х
«Журнал ПОэтов»
№ 6 (17) 2004

Учредитель группа ДООС
(Добровольное общество
охраны стрекоз)
при участии всемирной
организации писателей
(Русский ПЕН-клуб)
ассоциации поэтических
обществ ЮНЕСКО
и
Философско-поэтического
факультета
университета
Натальи Нестеровой
nesterova.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
КОНСТАНТИН КЕДРОВ
metapoet.narod.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
С.Бирюков (Германия),
канд. филол. наук

В.Вестстейн (Нидерланды),
профессор.

А.Витухновская
Е.Кацюба

(ответственный секретарь)
slovart.narod.ru.

А.Кудрявицкий.

Т.Латауэрс (Нидерланды),
профессор.

Б.Лежен (Франция).

В.Рабинович,
профессор кафедры
философской антропологии
МГУ.

В.Нарбикова.

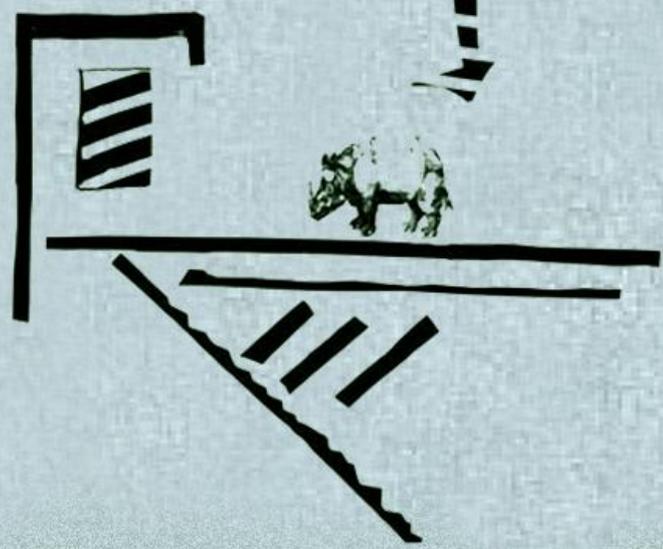
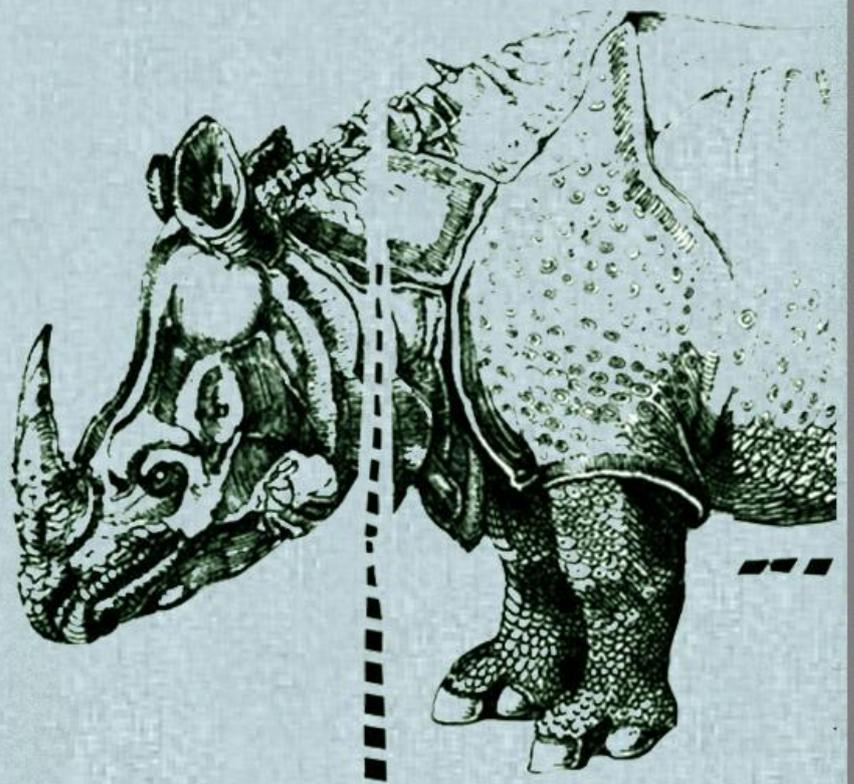
А.Ткаченко,
ген.секретарь Русского ПЕН-
клуба.

Дизайн номера: Е.Кацюба.

Дизайн обложки: ЯKrasnovsky.

Эмблема ДООСа: С.Бордачев.

Знак «Рикошет»: А.Врадий.

На презентации «Журнала ПОэтов» № 6(18) «НОС СОМ РОГ ГОР» в зале Ученого совета в Институте философии РАН академик А.А.Гусейнов сказал:

«Я приветствую вас в стенах нашего Института философии. Для нас очень важно и ценно, что такое уникальное явление, как очередной номер философско-поэтического журнала, представляется именно здесь. Никто не знает, каким образом все обернется и что выйдет из мероприятия, которое мы сейчас здесь осуществляем. Если мы посмотрим на 100, 200 и более лет назад, там возвышаются определенные вершины. Но в свое время эти вершины не были так видны, и только время их выделило. Точно так же можно сказать про этот журнал, совершенно уникальный. В моем представлении он как бы опредмечивает творчество в чистом виде. Творчество всегда предметно, и философское, и литературное, а вот здесь творчество представлено в чистом виде. Короче говоря, сегодня этот журнал, как и все в целом это поэтическое содружество, не остается незаметным, оно известно в целом, само по себе, и благодаря людям, которые создают лицо этого движения. Благодаря Наталье Васильевне Нестеровой, Константину Александровичу Кедрову, Вадиму Львовичу Рабиновичу, Андрею Андреевичу Вознесенскому. Я предполагаю, и ничего невероятного в этом нет, что пройдут многие годы и этот журнал, и все дело, которое вокруг журнала существует, выделится из общей массы и засияет очередной большой вершиной нашего отечественного и более широко – всемирного творчества, тем более что журнал этот, как я понимаю, всемирный».

К.А.Кедров, А.А.Гусейнов, В.Л.Рабинович

А.А.Вознесенский, Н.В.Нестерова, К.А.Кедров, В.Л.Рабинович

Огнезавр Герман Виноградов и стрекозавр Андрей Вознесенский

Евгений
Степанов
либератор

Рецензии

журнал «Дети Ра», № 1, 2004

*ЖУРНАЛ ПОЭТОВ. № 6 (18), 2004. Главный редактор —
Константин Кедров.*

Новый номер журнала Константина Кедрова и Елены Кацюбы представляет широкую палитру современной поэзии. Громких имен много. Вознесенский, Бирюков, Парщиков, Ткаченко и т.д. Приятно отметить, что в этом номере круг авторов несколько расширился.

Интересны, на мой взгляд, заумно-примитивистские сочинения Владимира Монахова «Ноу-Феня», верлибры Фатимы Цаголовой, которая серьезно прогрессирует в последние годы, метафорические тексты Алины Витухновской (она в самом деле настоящий поэт, а не придуманная политическая фигура).

Журнал в очередной раз вышел в свет в качественном полиграфическом исполнении. Это тот замечательный случай, когда форма и содержание едины.

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА**

**«Литературная газета» №12-13 (5966) 31 марта - 6
апреля 2004г.**

Русский ПЕН-клуб провёл очередную творческую акцию: представил общественности новый выпуск альманаха «Журнал Поэзия» № 6 (18). Выступили издатели и авторы альманаха «ПО»: Константин Кедров, Елена Кацюба, Татьяна Щербина, Вилли Мельников, Анжелика Полонская, Валерия Нарбикова и другие. На встрече состоялась церемония посвящения в члены «Добровольного общества защиты стрекоз» (ДООС). Руководил акцией Александр Ткаченко. Присутствовали поэты, прозаики и журналисты из Москвы, Берлина и других городов мира.

Музеи России: Афиша Музей Сайт Альбом Форум Музейщикам

Вечер поэзии в "Галерее АЗ"

21 марта 2004

Москва

Московский Выставочный Зал "Галерея АЗ" приглашает 21 марта, в воскресенье, в 17-00 на вечер, посвященный V Всемирному дню поэзии (ЮНЕСКО) и 20-летию группы ДООС (Добровольного общества охраны стрекоз). На вечере состоится презентация 6-го номера "Журнала Поэтов", будут представлены видео-палиндромы и палиндромические рисунки, созданные участниками Опара-студии. В этот замечательный день, 21 марта, день весеннего равноденствия и день поэзии у Вас есть возможность получить в подарок поэтические сборники, книги и журналы поэтов!

Свои стихи читают: Константин Кедров, Елена Кацюба, Михаил Бузник, Алина Витухновская, Лоренс Блинов (Казань), Анна Альчук, Вилли Мельников, Света Литвак, Александр Чернов (Киев), Ольга Ильницкая, Александр Бубнов (Курск), Анжелика Полонская, Анна Гайван и студенты Академии Поэтов и Философов Университета Натальи Нестеровой.